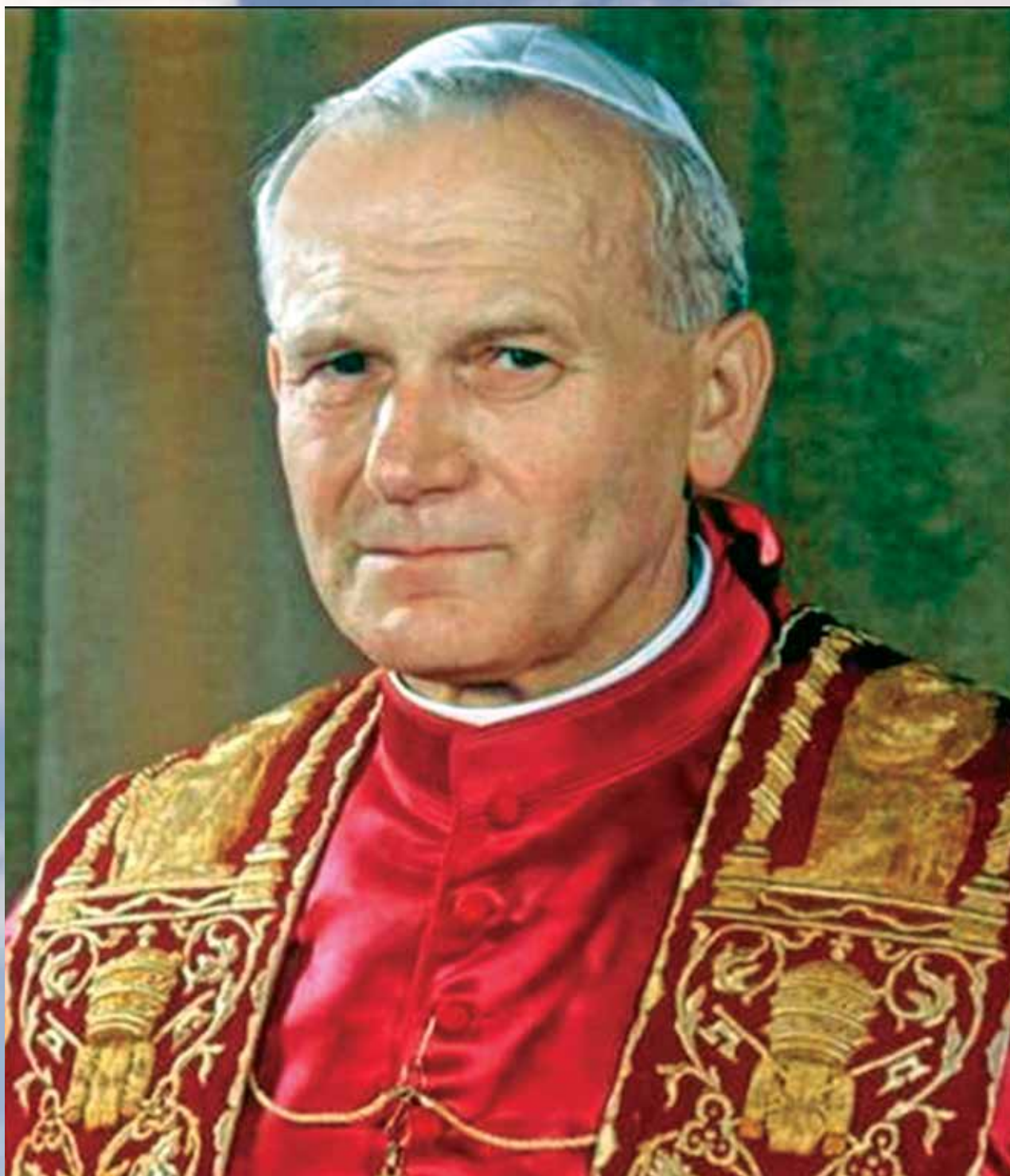

WIADOMOŚCI POLSKIE
ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

2 (65) – 2020

PISMO POLAKÓW W ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ

ROK 2020 – ROKIEM ŚWIĘTEGO
JANA PAWŁA II

26 января 2020 г. в Черняховске в «Доме Польском» прошла традиционная встреча, посвящённая Дню бабушки и дедушки, в которой приняли участие пожилые представители местной колонии и их внуки.

Мероприятие началось с приветствия председателя «Дома Польского» Ирены Король, вслед за которым начались поэтические и музыкальные выступления по теме. Ребята сложили из отдельных букв слово „Dziadkowie” и объяснили с чем ассоциируется каждая буква: например, буква „k” была связана со словом „kochać” — а как же не любить наших бабушек и дедушек! Встреча завершилась сладким угощением.

22 февраля 2020 г., в день рождения основателя скаутского движения Роберта Баден-Пауэлла и его супруги Олав, когда скаутами по всему миру отмечается День братской мысли, члены первого в Калининградской области харцерского отряда „Zarzewie” («Негасимый жар»), организованного

при «Доме Польском» в Черняховске, собрались на праздничную встречу.

После приветствия и беседы о «Братстве» заместитель вожакого Анастасия Мурыгина рассказала об истории харцерства, а харцеры из молодёжной группы «Лидер» представили харцерские песни танцы, рассказы, новые игры. Был обсуждён план работы отряда на год.

19 марта 2020 г. в Центральной городской детской библиотеке Копейска состоялись VII

Корчаковские чтения, регулярно организуемые по инициативе Копейской городской общественной организации «Польский центр культуры» (председатель — Анна Малиновская) и Челябинской региональной общественной организации «Польское культурное общество «Соляри»» (вице-председатель — Владимир Малиновский).

В этом году чтения собрали библиотекарей, членов польского и немецкого культурных центров, людей разных поколений: детей войны, ветеранов, внуков и правнуков тех, кто победил фашизм 75 лет тому назад.

Перед участниками чтений выступил дипломант конкур-

са «Красная гвоздика» Александр Столяров с «Балладой

о Памятнике» (музыка и слова В. Пыжова). Своими воспоминаниями поделились герои страшной войны: Роза Селиванова – малолетняя узница лагерей; Северина Школьникова – писатель, отразившая свои переживания и воспоминания военного детства в повестях

и рассказах; Николай Рыженков – ветеран.

Анастасия Мартьянова, сотрудница библиотеки семейного чтения № 12 посёлка Бажов, и Татьяна Александрова, библиотекарь Центральной городской детской библиотеки, подготовили обзор книг и памятников, посвя-

щённых памяти жертв Холокоста, рассказали об ужасах фашистских концлагерей.

Татьяна Королёва, заведующая детской библиотекой № 8 посёлка Горняк, рассказала историю «храброго сердца», «праведницы мира» – Ирены Сендлер, благодаря которой 2500 человек остались в живых.

12 апреля 2020 г. весь католический мир отмечает Пасху – один из важнейших христианских праздников, установленный в честь воскресения Иисуса Христа.

18 апреля 2020 г. в непростой для всех период карантина Московская полонийная организация «Единство» и Союз поляков Дона в рамках работы общероссийского объединения *Союз польских организаций «Единство»* провели на площадке онлайн-конференции *ZOOM* мероприятие «Польская поэзия в русских переводах». Авторы проекта

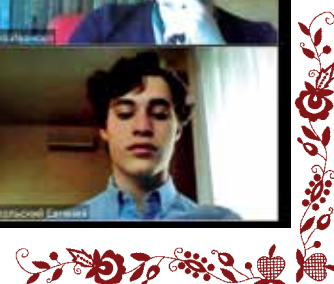
(Нина Силаева, Аида Русинова, Анна Солтыс) смогли познакомить всех гостей с красотой польской и русской поэзии, показать особенности польско-русских культурных связей.

Мероприятие открыл председатель Союза польских организаций «Единство» Александр Селицкий. Прозвучали стихотворения польских авторов разных эпох, были представлены их переводы на русский язык, выполненные как знаменитыми русскими поэтами, так и начинающими поэтами-переводчиками.

Почётным гостем и участником встречи был переводчик польской поэзии – кандидат технических наук, доцент Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета Анатолий Ройтман, в переводах которого вышли книги стихов Чеслава Милоша «То-Это», «Второе

пространство. Орфей и Эвридика», «Избранное», а также сборники прозы «Беседы с Чеславом Милошем», «Свидетельство поэзии». За свою творческую деятельность в сфере культуры Анатолий Ройтман награждён Кавалерским Крестом Ордена Заслуги Республики Польша, а также медалью «За заслуги в культуре *Gloria Artis*» Министерства культуры и национального наследия Польши.

Участники мероприятия смогли выступить с произведениями любимых польских авторов и поделиться собственными переводами. Свои любимые стихи декламировали как авторы проекта, так и участники из различных городов России: Дмитрий Азаренко, Илья Жадаев, Антон Кузнецов, Елена Павлович, Яна Самборская, Михаил Субботин, Евгений Трипольский, Пётр Фомичёв. В мероприятии приняла участие консул по делам польской диаспоры Зофья Монка из московского консульства.

Онлайн-формат мероприятия позволил расширить его географию и познакомить друг с другом представителей разных полонийных организаций России. Отрадно, что

2 мая 2020 г. общероссийское объединение *Союз польских организаций «Единство»* провёл

8–9 мая 2020 г. российская полония вместе с представителями других народов праздновала 75-летие Великой Победы над фашизмом. Во многих домах зажгли свечи, пели и слушали фронтовые песни. Председатель Союза польских организаций «Единство» Александр Селицкий принял участие в возложении венков к мемориальному комплексу Вечный огонь в Краснодаре.

18 мая 2020 г. в ознаменование столетия со дня рождения Св. Папы Римского

среди участников встречи были учащиеся прославленной московской школы № 324 «Жар-птица».

Участники мероприятия выразили надежду на продолжение

онлайн-конференцию, посвящённую Дню Полонии и поляков за границей, а также Дню польского флага. Участниками встречи были как представители российской полонии из Армавира, Волгограда, Екатеринбурга, Копейска, Краснодара, Красноярска, Минеральных Вод, Москвы, Новороссийска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Уфы, Черняховска, так и почётные гости из других стран: Иоланта Татары – президент Конгресса полонийного образования; Хероним Граля – доктор гуманитарных наук, профессор факультета „*Artes Liberales*” Варшавского

такого формата общения, и что в дальнейшем такое виртуальное общение, направленное на популяризацию польской культуры в России, станет регулярным.

университета; Малгожата Шляговская-Скульская – директор фестиваля российских фильмов «Спутник над Польшей» и польских фильмов «Висла». В ходе интернет-встречи были как взаимные приветствия, так и музыкальные и поэтические выступления, позволяющие не забывать о нашем единстве даже несмотря на сложные времена пандемии.

Иоанна Павла II Конгресс поляков в Санкт-Петербурге (председатель – Лилия Шишко)

организовал видео-конференцию памяти Великого Поляка. В конференции принял участие председатель Союза польских организаций «Единство» Александр Селицкий.

Иоанн Павел II (Кароль Юзеф Войтыла) – 264-й Папа Римский и первый в истории Папа-славянин. Родился 18 мая 1920 года в Польше, вблизи Кракова. Иоанн Павел II стоял во главе Католической церкви с 16 октября 1978 года по 2 апреля 2005 года.

В 2014 году он был канонизирован Святой Католической церковью.

PO DROGACH ŻOŁNIERSKICH

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Красноярдар, 2020, № 2 (65)

W szafach i szufladach wielu domów, spoczywają stare fotografie i dokumenty... To pamiątki, które są ilustracją do rodzinnych wspomnień. Wspomnień strasznego okresu, jakim była II wojna światowa. Nasi ojcowie, dziadkowie i pradziadkowie często byli świadkami i uczestnikami tych wydarzeń. Powoli odchodzą ostatni uczestnicy tych wydarzeń. Myślę, że naszym obowiązkiem jest zachowanie ich wspomnień o tym strasznym czasie... Po to, aby już nigdy się nie powtórzył.

HISTORIĘ swojego Ojca – kaprała **Pawła Gołębiowskiego**, żołnierza 8 pułku 1 Samodzielnej Brygady Moździerz, nadesłał pan Ireneusz.

Latem 1944 roku wojska radzieckie i oddziały 1 Armii Wojska Polskiego przekroczyły Bug. Wraz z wyparciem z tych terenów wojsk niemieckich, rozpoczął się proces formowania nowych jednostek Wojska Polskiego. Proces formowania oparł się głównie o pobór. Wśród poborowych byli również ochotnicy, oraz żołnierze formacji podziemnych, dla których służba w Wojsku Polskim była alternatywą wobec deportacji na Sybir. Jedną z takich formujących się jednostek polskich była 1 Samodzielna Brygada Moździerz, tworzona w Mokobodach na styku Mazowsza i Podlasia jesienią 1944 roku.

Historia tego artyleryjskiego związku taktycznego Wojska Polskiego, jakim była 1 SBM, jest dosyć nietypowa. 1 Samodzielna Brygada Moździerz była jedynym tego rodzaju związkiem bojowym w Wojsku Polskim w czasie II wojny światowej. Pod jednym dowództwem w 1 Brygadzie skupiono 144 moździerze kalibru 120 mm. Była to więc spora siła ogniowa. W jej skład wchodziły pułki moździerzy: 5, 8, 10, 11, oraz 13 park artyleryjski. Stan etatowy brygady przewidywał 2629 żołnierzy. Dowódca brygady – płk Wasilij Jurin, jak i zdecydowana większość kadry to oddelegowani do Wojska Polskiego żołnierze Armii Czerwonej.

1 Samodzielna Brygada Moździerz była również jedynym polskim związkiem taktycznym, który przez prawie cały swój szlak bojowy – od Pomorza Zachodniego po Berlin i Łabę, wchodził w skład wojsk radzieckich. Początkowo brygada współdziałała z 3 Armią Uderzeniową, później z 47 Armią. Dopiero w końcowej fazie wojny od 4 maja 1945 r. przeszła częścią swoich sił we współdziałanie z 1 Armią Wojska Polskiego.

Proces tworzenia się brygady początkowo szedł bardzo powoli. Dotkliwie odczuwano braki logistyczne (kwatery, zaopatrzenie, odzież i braki

Paweł Gołębiowski (od lewej)

w żywności). Kolejnym problemem był brak poborowych i obsadzenie wakatów. 15 listopada 1944 roku żołnierze 1 SBM złożyli uroczystą przysięgę, a w styczniu 1945 roku brygada zakończyła formowanie. Do tej brygady, a dokładnie do jej 8 pułku w październiku 1944 roku trafił bohater naszej historii.

Paweł August Gołębiowski urodził się 6 sierpnia 1921 roku w Demlinie. Wieś ta jest położona na Kociewiu, w powiecie Starogardzkim, w gminie Skarszewy. Jego rodzicami byli Franciszek Gołębiowski, nauczyciel i kierownik szkoły podstawowej w Liniewie (wsi należącej do powiatu kościerskiego), oraz Bronisława Gołębiowska z domu Kohnke. Paweł ukończył gimnazjum w Kościerzynie. Dalszą naukę przerwały tragiczne wydarzenia. We wrześniu 1939 roku wybuchła II wojna światowa. Jego ojca Franciszka aresztowali Niemcy. W ramach «Intelligenzaktion» – akcji likwidacji tak zwanej „polskiej warstwy przywódczej”, został zamordowany przez hitlerowców, podobnie jak dziesiątki tysięcy innych osób z Kaszub i Pomorza. Jego mogiła znajduje się prawdopodobnie w lasach Piaśnickich koło Wejherowa, które skrywają ciała tysięcy mieszkańców Pomorza, pomordowanych przez hitlerowców jesienią 1939 roku.

Osiemnastoletni wówczas Paweł z matką i dziewięciorgiem rodzeństwa został wysiedlony z Pomorza do Generalnej Guberni. Trafili do Łosic na Mazowszu. Aby zapewnić rodzinie warunki bytu, Paweł rozpoczął pracę. Pracował m.in. w mleczarniach w Łosicach, Łochowie.

Nadszedł rok 1944, radziecka ofensywa wypchnęła Niemców z terenów wschodniej Polski. Wyzwolenie dotarło również do Łosic. W październiku 1944 roku Pawła powołano do Wojska Polskiego. Po wcieleniu do brygady, rozpoczął służbę jako radiotelegrafista.

Wraz ze swoim pułkiem w okresie od marca 1945 do 8 maja 1945 uczestniczył w ciężkich walkach o miasta Pomorza Zachodniego. Walczył pod Gryfinem, Szczecin-Dąbiem, Cedynią. Brał udział w forsowaniu Odry (Gieshof) i walkach o Aldum, Bernau i Poczdam.

Fragment wspomnień kaprała Pawła Gołębiowskiego pokazuje zaciętość walk, pod koniec wojny... Wspomnienia zostały spisane ponad dwadzieścia lat po tych wydarzeniach. Dotyczy walk, jakie prowadził pułk w drodze na Berlin:

«Na 1 Białoruskim Froncie w ramach 1 Armii Wojska Polskiego, 1 Polska Samodzielna Brygada Moździerz, była jednostką szturmową rzucałą na najtrudniejsze odcinki frontu, na odcinki zagrożone, jako wsparcie dla jednostek polskich i radzieckich. Brygada składała się z czterech pułków 5, 8, 10 i 11. Dalsze pułki były w formowaniu się, lecz na front nie doszły. Byłem członkiem 8-go pułku 3 baterii, jako starszy telegrafista. Pamiętam, że w bardzo trudnych bojach na przedpolu miasta Szczecin Dąbie (Altdamm) dowództwo naszej jednostki z szefem sztabu pułku majorem Zacharowem, kapitanem Szkradowem i innymi, zostali odcięci na punkcie obserwacyjnym odległym od swej jednostki o 1,5–2 km), przez zerwanie linii telefonów polowych i wdarcie się na pas neutralny przez liniowe jednostki Wehrmachtu. W tej sytuacji należało bezwzględnie dotrzeć na punkt obserwacyjny z radiostacją (telefoniści w żadnym wypadku nie mogli dojść i rozciągnąć linii telefonicznej). Telegrafisci z radiostacją, którzy chcieli się przedrzeć, ginęli na oczach innych.

Dokończenie na str. 6-7

Dokończenie. Początek na str. 5

ZOSTAŁO nas jeszcze dwóch (4 zginęło). Dojść trzeba było i to za wszelką cenę – chwile były krytyczne. Ja, jako dowódca oddziału radiotelegrafistów i ostatni kolega w odstępnie 30 kroków ruszyliśmy na niebezpieczny odcinek. Gdzieś w połowie drogi kolega, który czołgał się pierwszy i niósł radiostację, został trafiony „pancerfaustem”. Gdy się do niego doczołgałem, wciągnąłem go do domu, zrobiłem pośpieszny opatrunek, zabrałem radio i poczołgałem się do punktu docelowego. Dobrnawszy szczęśliwie, odszukałem dowódców i zamazany krwią i błotem rozłożyłem radiostację gotów do nadawania bardzo pilnych rozkazów. Gdy mjr Zacharow podawał pierwsze słowa rozkazu, okazało się, że przez zmęczenie zaniemówiłem. Sytuacja była coraz krytyczniejsza. Jednostki niemieckie podciągały coraz bliżej. Niemcy spostrzegli nas i zaczęli silnie z artylerii ostrzeliwać. Należało znaleźć inny punkt dowodzenia i przekazać rozkazy i parametry ostrzału. Dowódcy nie zorientowani w pierwszej chwili, dłaczego nie przekazałem rozkazu, nie spuszczała mnie z oka. Dopiero po kilkunastu minutach odzyskałem mowę i mogłem przekazać tak bardzo niecierpiące zwłoki rozkazy. Rozkazy i przekazane rzędne były ściśle i dokładne, stąd też pociski naszych moździerzy były trafne i skuteczne. Nadleciały nasze samoloty, podciągnęliśmy nasze stanowiska na dogodną pozycję, a sami wycofaliśmy się z bardzo wysuniętego punktu obserwacyjnego. Wyznaczone pozycje zostały osiągnięte, linia wyrównana. Zadanie wykonane” [10.VI.1968 r. P.G.]

Nasz bohater zakończył służbę przed Świętami Bożego Narodzenia 1945. Został zdemobilizowany 21 grudnia 1945 roku i powrócił szczęśliwie do rodziny. Na ojca-żołnierza czekała żona i roczny synek – Ireneusz.

Paweł Gołębiowski został odznaczony *Srebrnym Krzyżem Zasługi*, medalem *Zwycięstwa i Wolności 1945*, medalem *Za Odrę, Nysę, Bałtyk, Odznaką Grunwaldzką*, medalem *Za udział w walkach o Berlin*, medalem *10-lecia Polski Ludowej*, medalem *Za zwycięstwo nad Niemcami w Wielkiej Wojnie Ojczyźnianej 1941-1945 (ZSRR)*, odznaką *Zasłużony Działacz Ruchu Spółdzielczego*.

W latach 1946-1947 uczył się w Państwowej Szkole Mleczarskiej we Wrześni. Po jej ukończeniu w latach 1947-1952 pracował na

PO DROGACH

Ignacy Majewski

pracy i wieczorem wracać, o głodzie i chłodzie...»

Po kilku latach pobytu na Syberii, na terenie ZSRR zaczęło się tworzyć Wojsko Polskie, którego dowódcą został generał Anders. Niestety (albo i może na szczęście) nie zdążył do Armii Andersa. Wiosną 1943 roku, w ZSRR tworzy się znowu Wojsko Polskie, tym razem pod dowództwem płk. Berlinga i politycznym zwierzchnictwem ZPP.

Wstąpił do 1 Armii, gdzie otrzymał przydział do 1 Warszawskiej Brygady Pancerniej im. Bohaterów Westerplatte. Trafił do plutonu zwiadu chorążego Kazimierza Przytockiego.

Wspomina Marian Chodor: «Przyjechaliśmy do punktu, w którym czekali „kupy” oficerowie i wybierali do swoich jednostek żołnierzy. Przyszła i na mnie kolej, usiadłem przy stoliku gdzie siedział kapitan. Zaczął zadawać mi pytania: skąd pochodzę, gdzie byłem na Syberii i jakie znam języki. Odpowiadam: języki znam rosyjski, ukraiński i swój polski. Kapitan chwile zastanowił się i mówi, że przydziela mnie do Brygady Pancerniej im. Bohaterów Westerplatte, kompania sztabowa pluton zwiadu. Z tą brygadą przeszedłem cały szlak bojowy, od Bugu poprzez Lublin, Warszawę, przyczółek Magnuszewski, Studzianki Pancerne, Wał Pomorski, Koszalin, Wejherowo. W czasie tych walk byłem trzy razy ranny...»

Podczas zimowej ofensywy w styczniu 1945 r. i wraz z brygadą uczestniczy w wyzwoleniu Warszawy, a następnie Bydgoszczy, by w lutym dotrzeć do Wału Pomorskiego. Walczy również o Pomorze Gdańskie. Pod Oksywiem ranny po raz trzeci. Odłamek który utkwiał w okolicy kręgosłupa, nosił do końca życia.

stanowisku kierowniczym w spółdzielniach mleczarskich w Człuchowie, Łobzie i Gryficach. W latach 1952-1964 pracował na stanowisku zastępcy dyrektora ds. produkcji w Wojewódzkim Związku Spółdzielni Mleczarskich w Poznaniu, w latach 1964-1967 na stanowisku dyrektora w PP Bacutil w Poznaniu i w latach 1967-1982 na stanowisku dyrektora w Zakładzie Przetwórczym Kazeiny w Murowanej Goślinie k. Poznania. W 1970 roku ukończył studia wyższe zawodowe na UAM w Poznaniu. Na zasłużoną emeryturę przeszedł w 1982 roku. Był żonaty z Krystyną z domu Stachowiak. Miel dwoje dzieci: Ireneusza (1944) i Hannę (1949). Zmarł w grudniu 1989 roku.

Marian Chodor urodził się 7 sierpnia 1919 r. w Żydaticzach (obecnie Hamalijiwka, ukr. Гамаліївка), gmina Malechów, województwo Lwowskie. Był synem Jana i Marii z domu Majkut.

W okresie międzywojennym w dzieciństwie był harcerzem, później wstąpił do Związku Strzeleckiego. W domu był wychowany w duchu patriotycznym i szacunku dla Legionów Piłsudskiego. We wrześniu 1939 roku na wschodnie tereny II RP wkroczyła Armia Czerwona. W 1941 roku dwudziestojednoletni wówczas Marian został aresztowany i zesłany na Syberię wraz z całą rodziną. Rodzina Chodorów liczyła dziewięć osób: rodzice, trzy dorosłe córki: Anna, Jadwiga, Stefania, syn Marian oraz troje mniejszych dzieci. Starszy brat Mariana – Stanisław Chodor (rocznik 1902), który służył w policji we Lwowie (zastępca komendanta policji na Zamarstynowie), został zabrany na początku 1940 r. do więzienia we Lwowie i rodzina straciła z nim kontakt. Rodzina Chodorów trafiła w okolice Nowosybirsk.

Z pamiętnika Mariana Chodora. «Było nas dziewięcioro, czworo z nas pracowało, a pięcioro – rodzice i troje dzieci byli w domu. Nas czworo dostawało po 40 dkg chleba na dzień, a rodzice i dzieci po 20 dkg chleba. Mama cały czas płakała za starszym synem, którego zabrali w kwietniu 1940 roku do więzienia i nie wiadomo, co się z nim dzieje. ...Warunki zesłania były bardzo ciężkie, latem z siostrami pracowałem na polu, a zimą w lesie. Praca w lesie zimową porą przy 40° mrozie polegała na cięciu drewna i składaniu w sagi. Mróz był taki, że drzewa trzaskały, a ja z siostrami musiałem chodzić codziennie kilka kilometrów do

ŻOŁNIERSKICH

Po zakończeniu wojny i demobilizacji w 1946 roku zaczął poszukiwania rodziny, która pozostała na Syberii. W wyniku starań, odnalazł ojca w Domu Starców w Łodzi, a matka zmarła w ZSRR. Po starszym bracie – Stanisławie, który służył w policji we Lwowie słuch zaginął.

W 1947 roku, jako osadnik wojskowy osiedlił się w Kruszynie, powiat Brzeg. W 1950 roku odnalazł siostrę, która mieszkała w Jaworze. Przeniósł się do niej do Jawora, gdzie podjął pracę w spółdzielczości. Dziesięć lat po wywóźce na Syberię, Marian Chodor, były kapral brygady pancernej, jego ojciec i trzy siostry rozpoczęli nowe życie. Od 1972 roku przeszedł na emeryturę, działał aktywnie w organizacjach kombatanckich, oraz stowarzyszeniach byłych Sybiraków. Wojenne losy, w których uczestniczył, opisane są m.in. w książkach Kazimierza Przytockiego pt: „W pancernym zwiadzie» oraz w książce «Tankiści. Prawdziwa historia czterech pancernych i psa» Kacpra Śledzińskiego. W 2007 roku, awansowany na porucznika rezerwy. Zmarł w 2012 roku.

Kilka lat temu kupilem z ogłoszenia pamiątki po żołnierzu 1 Armii Wojska Polskiego. Swoim zwyczajem, zacząłem poszukiwania informacji o nim.

Ignacy Majewski urodził się 5.05.1907 we wsi Kruhowicze pow. Łuniniecki, województwo Poleskie (obecnie Białoruś). Z zawodu był pracownikiem leśnym – gajowym. Żonaty (żona Zofia ur. 1915). Mieli dwoje dzieci (córka Eleonora ur. 1938, syn Tadeusz ur. 1940).

Szeregowy Majewski służył w 5 pułk piechoty, który od chwili sformowania w Sielcach nad Oką, czyli od lata 1943 roku, do zakończenia działań wojennych w maju 1945 roku, działał w składzie 2 Warszawskiej Dywizji Piechoty im. Henryka Dąbrowskiego. Dowódcą pułku przez cały okres wojny (do sierpnia 1945) był ppłk/płk Antoni Szabelski – oficer Armii Czerwonej i Wojska Polskiego.

Najcięższe walki pułk stoczył pod Puławami na przyczółku Warecko-Magnuszewskim, na Wale Pomorskim w rejonie Mirosławca i Bobrujska, a następnie pod Kamieniem Pomorskim. W operacji berlińskiej wyróżnił się w walkach nad Starą Odrą, Kanątem Ruppintera, oraz o Linnum. Szlak bojowy pułku został okupiony stratą 878 żołnierzy zabitych i zaginionych, oraz 2266 rannych. Pułk otrzymał nazwę «Kołobrzesci» 6 maja 1945 roku, rozkazem nr 0188 Dowódcy 1 Armii Wojska Polskiego. Został również w czerwcu 1945 roku, odznaczony *Krzyżem Virtuti Militari* V klasy. 10 żołnierzy pułku zostało odznaczonych *Krzyżem Virtuti Militari*, 179 żołnierzy odznaczono *Krzyżem Walecznych*. Wśród tych odznaczonych *Krzyżem Walecznych* był szeregowy Ignacy Majewski, który został ciężko ranny 14.04.1945 roku. Przestrzelono mu na wylot lewe udo, kula uszkodziła narządy urologiczne. Leczony w wojskowym szpitalu polowym nr 5174 oraz nr 2138. Na skutek odniesionych ran, nie nadawał się do dalszej służby i został zdemobilizowany w 1946 roku.

Rozkazem Naczelnego Dowódcy WP nr 1364 z dnia 31.12.1945 został odznaczony srebrnym medalem *Zasłużony na Polu Chwały*. Wśród innych odznaczeń posiadał medal *Za Warszawę 1939-1945*, medal *Zwycięstwa i Wolności 1945*, *Odznakę Grunwaldzką*, oraz medale radzieckie *Za zwycięstwo w Wielkiej Wojnie Ojczyźnianej 1941-1945* oraz *Za Wyzwolenie Warszawy*.

Nadane odznaczenia, były słabą «osłodą» za odniesione rany. Ignacy był inwalidą wojennym. Po wojnie mieszkał m.in. w Sokołowce, Karpaczu. Pracował m.in. jako woźny w sanatorium inwalidów wojennych. Po 1947 roku z rodziną przeprowadził się do Miroszowa. Dalszych losów ustalić nie udało się.

Kilka starych zdjęć, na szczęście opisanych z tyłu zainspirowało mnie do szukania informacji o osobach które są na nich uwiecznione... Oto efekt mojego «śledztwa».

Edward Ekiert urodził się 12 marca 1923 w Latowicach w Wielkopolsce. Gdy miał 3 miesiące wraz z rodziną wyjechał do Bucowa koło Medyki. Buców (ukr. Буців) jest to obecnie wieś na Ukrainie w rejonie Mościskim obwodu Lwowskiego.

W 1940 roku został zesłany wraz z rodziną (babcia, rodzice, trzy siostry i sześciolatek brat) na Syberię do Kamarczagi koło Kańska w górach Sajany. Tam pracował przy wyrębie lasu. Po porozumieniu Sikorski-Majski próbował wstąpić do armii Andersa, ale nie zdążył. Wrócił do miejsca zesłania. Gdy dowiedział się o organizowaniu dywizji Berlinga, próbował do niej wstąpić. Był zmuszony do ucieczki gdyż nie dostał zgody od miejscowego funkcjonariusza NKWD. W końcu dostał się do 1 Dywizji Piechoty im. Tadeusza Kościuszki.

Od maja do sierpnia 1943 kształcił się w szkole podoficerskiej w Sielcach nad Oką, którą ukończył jako kapral. Został dowódcą plutonu. Walczył pod Lenino. W 1944 roku kilka miesięcy uczył się w szkole oficerskiej w Riazaniu. W 1945 roku przyjechał do Krakowa. Tutaj kontynuował naukę w Szkole Oficerskiej. W latach 1946-1947 brał udział w walkach z UPA w Bieszczadach.

Pozostał w Wojsku Polskim, służbę wojskową zakończył w Nowym Sączu w 1968 roku, będąc na stanowisku zastępcy dowódcy brygady do spraw liniowych.

*Tomasz OKONEK
(Facebook. Spoza gór i rzek.
Wojsko Polskie na Wschodzie
1943-1947)*

Edward Ekiert z ojcem

Иоанн Павел II Папа всей

16 октября 1978 г в католическом мире случилось беспрецедентное событие: новым папой был избран славянин, представитель коммунистической Польши, Кароль Войтыла. Как поговаривали, кандидатура польского кардинала совершенно случайно была выдвинута на конклаве, где не могли выбрать между двумя итальянскими претендентами. А неприметный скромный кандидат набрал большинство голосов и был избран наместником Бога на земле. Поляк был загадкой для многих, ведь ещё никогда на должности Папы Римского не было столь разностороннего человека: писателя, поэта, философа, драматурга, актёра и спортсмена — жизнь Иоанна Павла II была необычной и увлекательной.

Несчастливое детство будущего понтифика

264-й Папа Римский Кароль Войтыла родился 18 мая 1920 в верующей польской семье поручика польской армии Кароля Войтылы, в совершенстве владевшего немецким языком и систематически обучавшего немецкому своего младшего сына, и учительницы Эмилии Качоровской, происходившей с Холмщины, согласно ряду источников, русинки или украинки, родившейся в Кракове в римско-католической семье. Возможно, поэтому будущий римский папа любил и уважал православие и считал, что христианство должно дышать двумя лёгкими — западным и восточным. От родителей Кароль унаследовал любовь к Богу и получил высокоморальное воспитание.

Детство будущего понтифика нельзя назвать счастливым: он рано узнал, что такое смерть близких ему людей. Когда Каролю исполнилось 8 лет, умерла его мать, а через несколько лет его брат Эдмунд, работая врачом, зарезался от больных скарлатиной и скончался

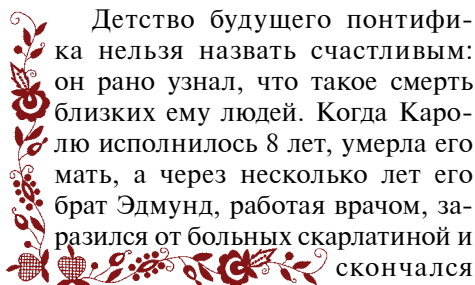
в 1932 году. Несмотря на потрясения, Кароль тянулся к знаниям и находил в них отраду. Уже в школе у мальчика проявилась склонность к гуманитарным наукам. Учителя вспоминали, что он любил уроки иностранного языка, религии и философии. Будучи необычайно одарённым, 14-летний Войтыла начал актёрскую карьеру в школьном драматическом кружке, возглавил школьное Мариинское общество. В этом же году он совершил своё первое паломничество в Ченстохову.

Игра на сцене, аплодисменты публики и взаимодействие актёров поселили в душе молодого Войтылы мечту стать актёром. Когда же его друзья спрашивали о том, не желает ли он стать священником, он неизменно отвечал «*Non sum dignus*» (лат. 'Я недостойн'). 14 мая 1938 года Войтыла сдал выпускные экзамены. Он получил высшие оценки («отлично») по польскому, греческому, немецкому языкам, по латыни, истории, проблемам современной Польши, философии и физическому воспитанию. Чтобы получить высшую оценку по латыни, ему

пришлось на первый вопрос отвечать сорок минут, на второй пятнадцать, а на третий семь — такая система приёма экзамена призвана была убедить преподавателей, что ученик владеет латынью так же хорошо, как и польским языком.

Путь к Богу

После окончания школы Кароль вместе с отцом переехал в Краков и поступил в Ягеллонский университет, где обучался на факультете польской филологии. Он проучился там всего два года, однако университетская атмосфера оказала большое влияние на будущего Папу. В Кракове жизнь бурлила, и творческому, смыслённому парню было где применить свои таланты. Кароль принимает активное участие в деятельности театрального кружка, посещает занятия по риторике и пишет стихи. Не так давно «Независимая газета» опубликовала русский перевод пьесы под названием «У лавки ювелира», написанной Войтылой в 1939 г. Пьесу предваряет подзаголовок: «Медитация о таинстве брака, иногда оборачивающаяся драмой»... В авторе

(Кароль Войтыла) планеты

этой пьесы угадывается «апологет семьи», человек любящий и о любви напряжённо размышляющий. Примерно тогда же Кароль написал цикл стихов под названием «Баллады Вавельского собора». В 1939 году он составил сборник под названием «Псалтырь эпохи Возрождения», куда вошли различные стихотворения, в том числе одно, посвящённое матери, а также стихотворная драма «Давид». Помимо занятия литературной деятельностью, он успел пройти вводный курс русского языка и курс церковнославянской письменности. Во время одного из выступлений актёрского кружка «Студия 38» Кароля заметил архиепископ Кракова Стефан Сапега. После представления он подошёл к юноше и сказал слова, которые на всю жизнь отложатся в памяти Войтылы и окажут большое воздействие на его дальнейшую жизнь: «Такой талант должен служить Богу».

Начало второй мировой войны Кароль Войтыла встретил в Кракове, где молился в Вавельском кафедральном соборе, когда на город упали первые бомбы. С приходом фашистских оккупантов жизнь будущего папы римского резко изменилась. Его отцу прекращают выплачивать пенсию, и для того, чтобы обеспечить себя и отца, Кароль устраивается работать в каменоломню, а позже идёт работать на химический завод, параллельно проходя обучение на богословском факультете подпольного университета. В это время он не только трудится, но и, как настоящий патриот, призывает рабочих не поддаваться власти фашистов. Кароль Войтыла продолжает выступать в подпольном театре и избегает заключения и депортации только благодаря тому, что работает в каменном карьере. Он продолжает заниматься литературой, пишет пьесу «Король-Дух», работает в под-

польной организации, укрывающей краковских евреев и переправляющей их в другие страны. С поздней осени 1939 года и до середины 1940 года им написано множество стихотворений и несколько пьес на библейские сюжеты, он также начал перевод на польский язык «Царя Эдипа» Софокла. В это время Кароль всё ещё был уверен, что своё будущее свяжет с театром или наукой: с юности он стал полиглотом и достаточно бегло разговаривал на тринадцати языках — на родном польском, на словацком, русском, эсперанто, украинском, белорусском, итальянском, французском, испанском, португальском, немецком и английском, а также знал латынь и греческий.

Карьера священнослужителя

В октябре 1942 г. Кароль поступил на курсы при богословском факультете Ягеллонского университета (эти курсы — в нарушение гитлеровских приказов о прекращении религиозного образования — вёл Краковский архиепископ, кардинал Сапега). Кароль Войтыла пришёл к архиепископу Кракова и сказал, что хотел бы стать священником. Говорят, что Сапега по какой-то причине трижды отказывал в этом Каролю, считая его неготовым, и лишь на четвёртый одобрил желание молодого поляка служить церкви. Войтыла записался на курсы подпольной духовной семинарии, а закончив её и будучи рукоположенным в священники, в 1946 году был отправлен в Рим для обучения богословию. В Вечном Городе он поступает в «Ангеликум» (доминиканский университет св. Фомы). Умный, отверженный и рассудительный, он показал себя с наилучшей стороны, а благодаря кропотливой работе над сочинениями мистика Иоанна Кресты был удостоен звания доктора богословия.

С 1948 года Кароль Войтыла начинает службу Богу с пасторского прихода в маленьком селе Негович, но вскоре его переводят в Краков, где он занимается преподаванием в Ягеллонском университете. С 1953 года Войтыла преподаёт в университете общественную этику, но вскоре коммунистическое правительство закрывает богословский факультет и учёбу переводят в Краковскую семинарию. Тогда же ему предлагают преподавать в Люблинском Католическом Университете, где в конце 1956 года Войтыла возглавил кафедру этики. В эти годы Кароль Войтыла продолжил писать стихи, которые публиковал в католической газете «Tygodnik Powszechny» и журнале «Znak» под псевдонимами Анджей Явень и Станислав Анджей Груда.

Пятидесятые годы отмечены в жизни будущего Папы напряжённой научной деятельностью: за это время он написал более 300 статей, главным образом по христианской этике. Это, впрочем, не мешало ему заниматься спортом, путешествовать, общаться с друзьями. Так, сообщение о том, что Папа Пий XII возводит его в епископское достоинство, застало о. Войтылу в байдарочном походе!.. Это было в июле 1958 г. В возрасте 38 лет он стал самым молодым епископом в истории Польши.

Продолжение на 10-й стр.

Иоанн Павел II Папа всей

Начало на 8-й стр.

В 1967 ГОДУ Войтыла был удостоен звания кардинала и сразу же включился в важную для католической церкви работу. Одним из его первых шагов тогда было принятие решения перенести икону Божьей Матери из Ченстоховы в свою епархию, где на протяжении целого года она выставлялась для поклонения в 120 приходах. Будучи одним из самых молодых участников Второго Ватиканского собора, польский кардинал принимает активное участие в разработке и принятии важных церковных документов. Венцом деятельности становится избрание его в 1978 году Папой Римским. Это было неожиданное и непредсказуемое событие, последствием которого стало появление одной из наиболее могущественных персон XX века.

Папа Римский без тиары и коронации

В 18 часов 18 минут кардинал Вилло сообщил, что Папой Римско-католической Церкви стал Кароль Войтыла из Кракова, а затем подошёл к нему и спросил на латыни: «Соглашаешься ли ты?» Войтыла не колебался ни минуты. «Такова воля Божья, — ответил он, — соглашаюсь». Раздались аплодисменты. Печь Цезаре Тасси выпустила в небо облако белого дыма. Оно поведало миру, что избран Папа, но его имя по-прежнему оставалось неизвестным. На ожидавших в напряжении на площади Святого Петра верующих опустилась ночь. Кардиналу Вилло было поручено объявить о том, что именно польский гражданин стал новым Папой. Его друзья говорили, что по пути к балкону, с которого ему предстояло объявить весть, кардинал несколько раз переспрашивал имя Папы: «Как там его имя? Войтыла? Что за убогий язык!»

Взяв в знак уважения к своему предшественнику имя Иоанна Павла II, Кароль

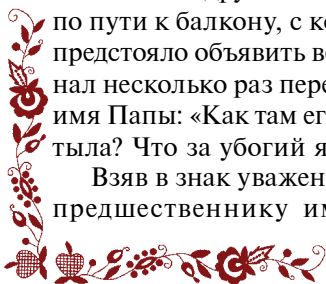

Эмилия Качоровская и Кароль Войтыла-старший в день свадьбы

Войтыла стал преемником святого Петра и 264-м Папой Римской Католической Церкви, самой многочисленной и самой старой церковной организации в мире. Как Папа он стал также Епископом Римским, Викарием Иисуса Христа, Преемником святого Петра, Князем Апостолов, *Pontifex Maximus*, в руках которого сосредоточена высшая судебная власть над Церковью, Патриархом Запада, Примасом Италии, Архиепископом-Митрополитом Римской Провинции, главой Ватиканского Государства и Рабом Рабов Божьих. Теперь к нему нужно было обращаться «Его Святейшество Папа» либо менее официально «Святой Отец». 264-й папа Иоанн Павел II стал первым римским папой неитальянского происхождения, избранным за последние 455 лет (Адриан VI, ставший папой в 1523 году, был голландцем по рождению). Однако есть версия, что Иоанн Павел II был вторым понтификом-славянином: возможно, первым папой славянского

происхождения являлся Сикст V: его отец Сречко Перич был родом из Черногории. Итак, Иоанн Павел II стал вторым папой-иностранцем с 1523 года.

Приняв имя своего предшественника, Кароль Войтыла становится Иоанном Павлом II. Впрочем, на этом сходство нового папы с предыдущим заканчивается, как и сходство с другими понтификами. Новый глава Ватикана видит свою миссию в активной реформаторской деятельности, и эти перемены в первую очередь касаются порядков и традиций святого престола. Так, Иоанн Павел II отказался от традиционной коронации на пост — была проведена обычная инаугурация, понтифик отказался носить тиару, а говоря о своей персоне, всегда употреблял «я», а не царственное «мы». Всеми своими действиями польский папа хотел подчеркнуть девиз всей своей жизни, который заключался во фразе «*Servus Servorum Dei*» (с лат. 'Раб Рабов Божьих'). Политика Иоанна Павла II была

(Кароль Войтыла) планеты

направлена на поднятие престижа католической церкви, прекращение разрозненности и вражды представителей различных религий и борьбу с коммунизмом как явлением, нивелирующим людей.

Встав во главе католической церкви, Кароль Войтыла сломал веками сложившийся образ римского первосвященника. Он бегал в кроссовках по горным тропам, занимался на тренажёрах, плавал в бассейне, играл в теннис. Кароль Войтыла был хорошим горнолыжником, будучи студентом, выигрывал любительские соревнования. Любовь к горным лыжам он сохранил на всю жизнь. Став Римским Папой, катался инкогнито в горах Терминилло (*Monte Terminillo*), недалеко от Рима. С пастырскими поездками папа посетил многие страны во всех частях света.

Много сделал для модернизации образа католической церкви, Иоанн Павел II остался непреклонным в проповедовании принципов, которые, по его мнению, составляют нравственную основу человеческой цивилизации. Он выступал за категорическое запрещение абортов, против искусственного оплодотворения, разводов, применения противозачаточных средств, гомосексуализма, эвтаназии, рукоположения женщин в священнический сан. Но Папа признавал достижения научно-технического прогресса, назначив покровителями Европейского Союза святых Мефодия и Кирилла, а покровителем Интернета — святого Исидора Севильского.

В первый же год своего папства Иоанн Павел II посетил Польшу. Земляки приняли понтифика с большим воодушевлением и гордостью за свою землю, на которой родился такой выдающийся человек. Этот приезд сплотил расслоённое общество, напо-

нил полякам о великом прошлом польского народа, дал силы бороться за демократизацию страны (Папа поддерживал деятельность организации «Солидарность»).

Сплочение человечества и борьба за мир

Понтификат Иоанна Павла II был одним из самых длинных в истории церкви и длился почти 27 лет. По длительности своего понтификата он уступает только Апостолу Петру и папе Пию IX (1846-1878).

Деятельность папы польского происхождения была поистине беспрецедентной. Он стал первым папой, который пошёл на контакты с другими конфессиями. В 1980 году Ватикан посетила английская королева Елизавета II (она же глава Англиканской церкви). Это был исторический визит, учитывая, что многие столетия британские монархи и римские понтифики были непримиримыми врагами. Елизавета II первой из британских монархов посетила Ватикан с государственным визитом и даже пригласила Папу в Великобританию с пастырским визитом к 4 миллионам британских католиков. В 1982 году, впервые с момента отделения англиканской церкви, Папа встретился с архиепископом Кентерберийским и совершил совместное богослужение.

В августе 1985 года по приглашению короля Хассана II выступил в Марокко перед 50-тысячной аудиторией молодых мусульман. 13 апреля 1986 г., впервые с апостольских времён, папа посетил синагогу в Риме и приветствовал иудеев, которых он назвал «старшими братьями». 20 марта 2000 год начался папский визит в Израиль, в ходе которого он молился у Стены плача в Иерусалиме.

4 мая 2001 года, впервые после раскола христианской церкви на католическую и православную в 1054 г., он приехал в Грецию. 6 мая 2001 года совершил молитву о мире в Дамаске (Сирия) и вошёл в мечеть Омейядов. 15 марта 1990 года между Ватиканом и СССР были установлены официальные отношения, имеющие дипломатический статус. Уже в апреле 1991 года был подписан официальный документ о восстановлении структур католической церкви в России, Белоруссии и Казахстане. 19 ноября 1996 года понтифик принял в Ватикане лидера Кубы Фиделя Кастро. Папа осудил экономические санкции против Кубы. Кульминацией исторического визита стала месса на площади Революции в Гаване, где собралось около миллиона кубинцев. После этого визита власти Кубы позволили праздновать Рождество, согласились разрешить въезд на остров новым миссионерам, в целом отношение к церкви стало более либеральным.

11 марта 1999 года в Риме состоялась первая встреча Папы с президентом Ирана Мохаммадом Хатами. Этот визит помог Ирану выйти из международной изоляции. 7 мая 1999 началась папская поездка в Румынию. Иоанн Павел II стал первым Папой, посетившим православную страну.

Продолжение на 12-й стр.

Иоанн Павел II Папа всей

Начало на 8-й стр.

ВЕРЕВАНЕ он совершил богослужение у Вечного огня Мемориала жертвам геноцида в Османской империи. 5 ноября 2003 года понтифик принял в Ватикане Президента России Владимира Путина. 27 августа июня 2004 папа направил в дар Русской православной церкви список иконы Казанской Божией Матери, который хранился в его личной капелле.

29 июня 2004 года состоялся официальный визит в Ватикан Вселенского Константинопольского патриарха Варфоломея I.

Иоанн Павел II провёл встречу и установил взаимопонимание с африканскими племенами, приверженцами культа вуду, Далай-ламой, представителями лютеранской церкви.

Несбывшейся мечтой Иоанна Павла II осталась поездка в Россию. После падения железного занавеса посещение России стало политически возможным, но против приезда Папы выступила Русская православная церковь. Московский патриархат обвинил Римско-католическую церковь в экспансии на исконную территорию православной церкви, а Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II заявил, что пока католики не откажутся от прозелитизма (попыток обращения православных в католичество), визит главы их церкви в Россию невозможен. Визиту папы в Россию пытались способствовать многие политические лидеры, включая Владимира Путина, но Московская патриархия осталась непреклонной.

Благодаря позиции, занятой Иоанном Павлом II, католическая церковь приняла такие эпохальные решения, как покаяние за многовековое преследование еврейского народа и преступления времён крестовых походов и инквизиции. В августе 1997 года Иоанн Павел II

признал
т а к ж е

вину католической церкви в массовом уничтожении протестантов во Франции во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года. Впервые в истории человечества понтифик извинился за злодеяния католической церкви: действия инквизиции, бесчинства рыцарей Крестовых походов и Тевтонского ордена, за насильственную евангелизацию Америки. В январе 1998 года он принял решение открыть архивы Святой инквизиции. Никогда в истории человечества ни одна религия или конфессия не приносила подобного покаяния. А в 2000 году в ходе традиционной воскресной мессы в соборе Святого Петра Иоанн Павел II публично покаялся в грехах католической церкви. Он просил прощения и признал вину церкви за 8 грехов: преследование евреев, раскол церкви и религиозные войны, крестовые походы и оправдывающие войну теологические догматы, презрение к меньшинствам и бедным, а также оправдание рабства. Подобные слова от главы церкви ранее никогда в истории не звучали. В октябре 1992 года Кароль Войтыла реабилитировал своего земляка Николая Коперника и Галилео (через 350 лет после смерти учёного), частично признал учение Дарвина и поцеловал Коран. 12 марта 2000 года понтифик совершил обряд *Mea Culpa* — покаяние за грехи сынов церкви. 4 мая 2001 года в Афинах понтифик просил прощения за разорение крестоносцами Константинополя в 1204 году.

Понтифик активно выступал против любых войн. В 1982 году во время кризиса вокруг Фолклендских островов он посетил Великобританию и Аргентину, призывая страны к миру. В 1991 году осудил войну в Персидском заливе. Выступал за бескровное преодоление Балканского кризиса. Правление

Иоанна Павла II изменило мир, показало, что все нации и религии могут мирно существовать на одной планете и взаимодействовать ради общего блага.

Покушение на главу Ватикана

13 мая 1981 года в 5 часов вечера автомобиль Папы Римского двигался через восторженную толпу верующих, простых зевак и туристов к собору Св. Петра. Все ждали речи великого понтифика, но по традиции автомобиль должен был сделать три почётных круга, во время которых Папа приветствовал толпу. Внезапно раздался громкий выстрел, и тело папы упало на руки личного секретаря, сидящего рядом в авто. На животе Иоанна Павла II кровоточила рана, его немедленно доставили в клинику «Джамелли», а человека, выстрелившего в папу из толпы паломников, задержали. Мехмет Али Агджа, как звали стрелка, оказался представителем турецкой ультраправой группировки, которая была известна в Европе под названием «Серые волки». Будучи беглецом из турецкой тюрьмы, спасаясь от правосудия, Мехмет случайно оказался в Италии, где и пошёл на преступление, целью которого было убить Папу. Кто был заказчиком — так достоверно и неизвестно, хотя была создана специальная комиссия, которая расследовала детали покушения. Выдвигались различные версии того, кто же желал смерти понтифика. К счастью, после длительной операции и всех возможных и невозможных усилий итальянских медиков понтифик выжил. Пуля не повредила жизненно важных органов, став лишь причиной сильного кровотечения, которое было вовремя остановлено. Позже Папа Римский скажет, что сама

(Кароль Войтыла) планеты

Матерь Божья отвела от него пулю и спасла жизнь, а постоянная молитва, которую Войтыла читал, пока был в сознании, помогла ему быстро восстановиться.

В первую годовщину покушения Иоанн Павел II направился в Фатиму, чтобы поблагодарить Божию Матерь за спасение его жизни и возложить на её алтарь попавшую в него пулю. Пуля была позднее вмонтирована в золотую, украшенную бриллиантами, корону Девы Марии. Что касается стрелка, то Папа в 1983 году даже навещал заключённого, которого приговорили к пожизненному заключению. Войтыла долго разговаривал с Мехметом наедине, а когда вышел, то сказал лишь: «Мы разговаривали как братья, которые полностью доверяют друг другу и не держат обиды друг на друга». Суть разговора понтифика и преступника так и осталась тайной. Известно одно: после рокового разговора по настоянию папы мера пресечения для Агджи была изменена, и он был передан турецким властям.

После этого жизнь преступника круто изменилась: он стал глубоко верующим человеком.

12 мая 1982 во время визита в Португалию, в центр христианского паломничества Фатима, на папу была совершена ещё одна попытка покушения. Покушался ультраконсервативный испанский священник Хуан-Фернандес Крон, напавший на Папу с ножом. Нанесённое Иоанну Павлу II ранение не было смертельным, но когда папа вернулся к себе в комнату, у него шла кровь. Глава Римско-католической церкви не стал прерывать паломничество и продолжил свой путь, не сообщая никому о ранении. Крон провёл в тюрьме несколько лет, а потом был выслан из страны.

Завершение великой эпохи правления

Вслед за ранениями на Папу обрушились новые беды. В 1990-е гг. здоровье Кароля Войтылы значительно ухудшается. Находясь в своей загородной вилле, он наступил на подол своей сутаны и, падая, сломал руку. В результате, правая

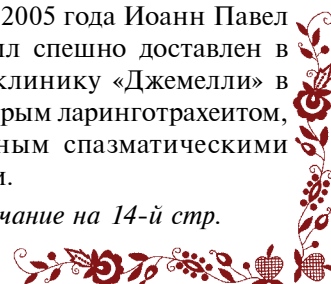
рука его практически потеряла подвижность. Но Иоанн Павел II шутил по этому поводу: «Благословлять можно и левой рукой».

Затем — опухоль кишечника, которую успешно удаляют, но в 1990-х годах новая травма — перелом шейки бедра, что для многих в его положении означает полную неподвижность. Папа перенёс шесть операций и вновь стал ходить, прихрамывая на правую ногу. В это же время начинают говорить о том, что понтифик страдает болезнью Паркинсона, но Ватикан всячески отрицает эту информацию. Несмотря на многочисленные недомогания, Иоанн Павел II не отставляет своих дел и ведёт активную международную деятельность, стойко перенося все испытания, которые выпадают на его долю. Когда же ему исполнилось 75 лет, он собрал совет кардиналов для того, чтобы выяснить, не должен ли он в этом возрасте уйти в отставку. Проведя целое расследование по изучению жизни предшественников, Войтыла пришёл к выводу, что уходить Папа Римский должен тогда, когда его заберёт Господь Бог. 1 февраля 2005 года Иоанн Павел Второй был срочно доставлен в римскую клинику «Джемелли» в связи с острым ларинготрахеитом, осложнённым спазматическими явлениями.

Окончание на 14-й стр.

Памятник папе Иоанну Павлу II в Париже

Иоанн Павел II Папа всей

Начало на 8-й стр.

24 ФЕВРАЛЯ произошла повторная госпитализация понтифика, в ходе которой ему была проведена трахеостомия. 27 марта понтифик попытался обратиться к верующим после Пасхальной мессы из окна Апостольского дворца, выходящего на площадь Святого Петра, но так и не смог произнести ни слова. 30 марта Иоанн Павел II в последний раз появился на публике, но не смог поприветствовать верующих, собравшихся на площади Святого Петра в Ватикане. 2 апреля 2005 года Иоанн Павел II скончался в Ватикане и был погребён в гроте базилики Святого Петра.

Прощание с папой римским Иоанном Павлом II и его похороны стали самой массовой чередой церемониальных событий в истории человечества. Триста тысяч человек присутствовали на траурной литургии, четыре миллиона паломников проводили понтифика из жизни земной в жизнь вечную (из них более миллиона составили поляки); более миллиарда верующих,

принадлежащих к различным христианским конфессиям и исповедующих разные религии, молились за упокой его души; два миллиарда зрителей следили за церемонией в прямом эфире.

На похороны понтифика съехались более 100 глав государств и правительств: 11 монархов, 70 президентов и премьер-министров, несколько руководителей

международных организаций, в том числе Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. И ещё около двух тысяч членов различных делегаций — всего из 176 стран. Россию представлял премьер-министр Михаил Фрадков.

После его кончины по древнему обычаю были сломаны и уничтожены личная печать Иоанна Павла II и перстень, так

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ

Близкие товарищи будущего Понтифика по университетской скамье прикрепили на двери его комнаты в студенческом общежитии визитную карточку: «Кароль Войтыла — начинающий святой».

* * *

Предшественник Папы — Иоанн Павел I как-то сказал: «Моё имя — Иоанн Павел I. Я здесь ненадолго. Скоро придёт Иоанн Павел II».

* * *

С момента своего избрания Папой Римским Иоанн Павел II писал в среднем около 3000 страниц в год. Если собрать все его труды воедино и выпустить одним изданием, то получится книга объёмом в 20 Библий...

* * *

По воспоминаниям своего бессменного секретаря, назвавшего Папу «вулканом энергии», Папа обладал удивительной работоспособностью, проводя за работой нередко по 16-17 часов в сутки — причём он мог поддерживать с собеседником полноценный

разговор, читая и изучая при этом серьёзную литературу. Обладая даром «многофункциональности», Папа мог участвовать в заседаниях и писать свои труды или стихи одновременно.

* * *

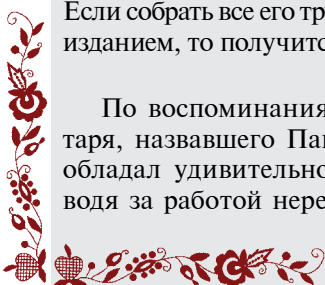
Ни один из предшественников Иоанна Павла II никогда не пересекал порога синагоги или мечети. Папа был первым, кто это сделал.

* * *

На карте в своём кабинете Папа Римский отмечал все мало-мальски известные епархии по всему миру и знал в них поимённо более 2000 архиепископов. Встретив и поговорив однажды с каким-либо прихожанином, охранником папского дворца, семинаристом или просто прохожим, Папа хранил в памяти детали разговора в течение многих лет, чем не раз вызывал изумление собеседников.

* * *

На проповедях Папы Римского побывало около полумиллиарда человек по всему миру.

(Кароль Войтыла) планеты

называемый *Pescatore* («Перстень рыбака»), с изображением первого папы, апостола Петра. Печатью Иоанн Павел II заверял официальные письма, оттиском перстня — личную корреспонденцию. 27 апреля 2014 года Иоанн Павел II был причислен Папой Франциском к лику святых.

Иоанну Павлу II посвящено значительное число памятных объектов. В Польше в 2015 году имелось около 700 скульптурных памятников (самый высокий — в Ченстохове, 14 м) и несколько тысяч других объектов (кресты, таблички, обелиски, камни). За пределами Польши находится ещё около 200 памятников. В октябре 2011 года ему был установлен памятник во дворике Российской государственной библиотеки иностранной литературы им. Рудомино в Москве. В октябре 2014 года памятник Папе Римскому Иоанну Павлу II работы российского скульптора Зураба Церетели был открыт у собора Парижской Богоматери в Париже (Франция).

Целая эпоха завершилась с уходом в иной мир Иоанна Павла II: посвятив жизнь служению Богу, он прежде всего служил человечеству: пытался на собственном примере показать, что все мы братья и сёстры на этой планете и можем прощать друг другу ошибки, оказывать взаимную поддержку, делать добро и проявлять милосердие. Он выступал против негативных сторон современной капиталистической системы — политического и социального угнетения народных масс. Его публичные выступления в поддержку прав и свобод человека сделали его символом борьбы против авторитаризма во всём мире.

Иоанн Павел II является автором более 120 философских и богословских работ, 14 энциклик и пяти книг, последняя из которых — «Память и идентичность» — вышла в свет накануне его госпитализации 23 февраля 2005 года. Самая популярная его книга — «Переступить порог на-

дежды» — разошлась тиражом в 20 млн экземпляров.

Кароль Войтыла служил Богу и человечеству и призывал к установлению «мира и единства между людьми и народами, составляющими на Земле единое сообщество», чем заслужил огромную популярность у верующих всего мира.

*Лариса ШЕСТАК,
доктор филологических наук,
профессор Волгоградского
государственного социально-
педагогического университета,
руководитель Центра
славянской культуры
«СЛАВИЯ»*

ИЗ ЖИЗНИ ИОАННА ПАВЛА II

* * *

Хотя в Польской Народной Республике католическая церковь не находилась под запретом, окончательный выбор и назначение священнослужителей являлось прерогативой политических властей. Каково же было всеобщее удивление, когда выдвинутый ими Кароль Войтыла сначала замещает образовавшуюся вакансию архиепископа в Кракове, а затем становится... Папой Римским, и в дальнейшем с триумфом приезжает в новую Польшу, чтобы окончательно положить конец коммунизму в этой стране.

* * *

Папа никогда не чурался грязной работы. Сразу после освобождения Польши от нацистов Кароль и его друзья-семинаристы вернулись в семинарию, которую за годы оккупации превратили в общественный туалет. Засучив рукава и взявшись за лопаты, студенты очистили и привели в порядок здания и постройки... В следующий раз, выполняя

неблагодарную и грязную работу, вспомните Папу Римского...

* * *

Папа-путешественник налетал около 1 250 000 км. Это как трижды слетать на Луну.

* * *

За время пребывания Кароля Войтылы на посту архиепископа органы госбезопасности социалистической Польши собрали на него досье, поместившееся в 18 объёмистых коробках. Для борьбы со слежкой и прослушкой Войтыле частенько приходилось прибегать к методам, позаимствованным со страниц романов про Джеймса Бонда.

* * *

На гонорары от продаж своей книги «На пороге надежды», вышедшей миллионными тиражами, Папа строил церкви, разрушенные во время конфликта в Югославии.

*Собрал и объединил
Алекс. ДОЛГОВ*

Марек Гашиньский:

Оценить свободу в сравнительных

Варшава. Начало октября. Холодно и грустно, но не для ценителей польского джаза! В тот вечер мы с супругой решили посетить концерт великолепного пианиста Марка Василевского (его Трио представляет европейский джазовый лейбл ECM), приуроченный к 10-летию юбилею польского RadioJazz.

Центр культуры Бемово находится от нас довольно далеко, и по этой причине мы были вынуждены покинуть зал пораньше, чтобы успеть на автобус.

В коридоре мы нос к носу столкнулись с мужчиной, как говорят поляки, «старой датой». Внезапно меня осенило — перед нами в двух шагах поэт, журналист, радиоведущий, писатель Марек Гашиньский!

КОМУ из поклонников польской рок- и поп-музыки может быть незнакомо это имя?

Если бы он написал в своей жизни только одну песню — «Сон о Варшаве», — этого было бы достаточно, чтобы покрыть себя неувядаемой славой.

Варшава! Снова Тебе удалось меня удивить!

Следующие 10 минут я лихорадочно договаривался с паном Марекком о встрече, сбивчиво объясняя ему, что я — полонийный журналист из России, что всё моё детство прошло под песни, которые он написал, что я опубликовал статью о Немане, и что интервью — предел моих мечтаний.

В конце я записал на клочке бумаги продиктованный им адрес электронки и распрощался.

На автобус мы так и не успели.

Через пару дней я выслал пану Марекку электронную версию 49 номера «Польских Ведомостей» со статьёй о Чеславе Немане и получил короткий ответ: «Привет, приходи ко мне по адресу (...), можешь взять ещё кого-нибудь, кого хочешь. Марек».

Ещё три дня спустя мы с Аней, взволнованные донельзя, приехали по указанному адресу в гости к Марекку Гашиньскому.

Забегая вперёд, скажу, что мы провели в гостях чудесные и незабываемые четыре часа! Спасибо пану Марекку и его супруге Анне (тёзке моей супруги) — вино и чай были как нельзя

кстати, но самое ценное — это настоящее дружеское общение. Как будто мы были знакомы сто лет, и провели вечер в кругу близких друзей! Хотелось бы написать про единение душ и что-то такое, но высокий слог — это не про меня.

Итак, вашему вниманию — выдержки из беседы с Марекком Гашиньским 10 октября 2019 года.

— *Добрый вечер, пан Марек!*

— Да, привет! Расскажи лучше сначала о себе, так нам будет легче! Вино будешь?

[рассказываю о себе]

— *В Краснодаре, да и не только, полно людей, которые помнят и любят Ваше творчество.*

— Ну надо же, никогда бы не подумал! Там же никто не знает польского!

— *Ну, во-первых, есть Польша. А незнание языков — это не мешало в 1970-е, не мешает и сейчас. Английский тоже мало кто знал тогда — все слушали, полузапрещённое...*

— Мне сложно судить. Сдаётся, в Польше все-таки было всегда полегче, чем в Союзе, степень свободы (если это вообще возможно — оценивать свободу в сравнительных категориях) тут была выше.

— *Расскажите, с чего началось?*

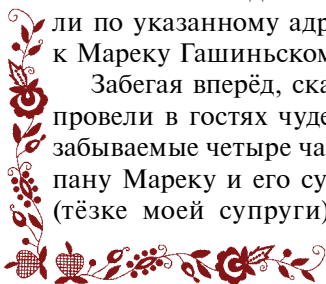
— О себе я попозже. А в Польше всё началось с ансамбля, который так и назывался незатейливо — «Ритм-н-блюз». Играли блюзовые, джазовые стандарты. Музыка эта была непонятной для послевоенной Польши, но до поры до времени музыкантов никто не трогал. Рок? Рок был ещё впереди.

— *Но гонения-то были?*

— Да, начались они благодаря Гереку — противоречивому персонажу польской политики. Он тогда ещё был представителем власти на периферии, в Верхней Силезии, не в Варшаве. Прошло там пару концертов; ну, как всегда и везде — кто-то не очень трезвый выбил пару стёкол в витринах а ведь это должна была быть серия выступлений в типично коммунистическом духе, с сидящими на лавочках причёсанными парнями и скромными девушками в наглаженных платьях (*смеётся*). Вышло, что вышло, и Герек был просто шокирован увиденным. Нам, шахтёрам, такое «искусство» не нужно! Именно Герек был инициатором условий, при которых гастроли самодеятельных коллективов в Польше стали просто невозможны — запрещено было на уровне министерства культуры отдавать джазменам и рок-группам в аренду залы вместимостью более 400 мест. Это означало финансовый крах любого начинания — сам понимаешь, привези-увези аппаратуру, найми зал, заплати персоналу, заплати налоги — что остаётся в виде гонорара музыкантам? Пшик! Нужны были стадионы!

— *А все-таки, о себе?*

— Я по образованию — социолог, хотя и закончил филологический факультет. Началось всё с просьб моих знакомых музыкантов, тогда ещё вовсе не таких знаменитых, испытание славой было потом — я писал для Тадеуша Налепы, Червоных Гитар, Будки Суфлера, Гонсовского, ансамбля Ганг Марцеля и многих других. Чесек, например, (Неман — Я.К.)

КАТЕГОРИЯХ НЕЛЬЗЯ!

в те годы мучительно искал себя, переехав в Польшу. В Союзе ему светила армия, а в ней не светило ничего хорошего, так как он так и не вступил в комсомол, пел в костёльном хоре. С такой характеристикой счастья ему было не видать, сам понимаешь.

— Да, меня не приняли в комсомол в 1990 году, и это даже тогда, на излёте СССР, было огромной проблемой — помню, как председатель парторганизации школы съездила, что меня даже в тюрьму не примут, не то что в училище!

— Вот-вот. И в какой-то момент Чесек, который прекрасно говорил по-русски, по-белорусски, и неплохо — по-польски (очевидно, что русскому он систематически учился в школе, а польский знал, потому что на нём говорили в семье) явился ко мне и попросил написать текст для песни, которую он сочинил. Сам, мол, он не может — не получается. Наиграл песню на гитаре, а я, хоть и не был музыкантом, запомнил ритм и размер. Отец мой, светлой памяти человек, учил меня всегда — никогда не говори «нет», говори — «попробую». Скажешь «нет» — больше не попросят. (смеётся). Я быстренько прикинул текст, а потом на пару дней забыл об этом — были другие дела. Когда мы встретились в один из очередных вечеров, проведённых вместе, я сунул ему бумажку с текстом, а он взял и спел песню — вот так вот, с

ходу! И, понимаешь, какая штука, текст лёг на музыку идеально! Ритм, размер, припев, интонации — не понадобилось менять НИЧЕГО.

— Это был «Сон о Варшаве»?

— Да.

— Шедевр! Знаете, её же поют на стадионах! Это настоящий гимн Варшавы, знаменитый на весь мир! Песню эту умудрились спеть даже отрицательные герои — Гитлер и Риббентроп в фильме Юлиуша Махульского...

— «ПоССольство»? Да-да, смотрел, чудесная комедия!

— Довольны ли Вы, что Вашу песню до сих пор поют? Я вот не специалист в звукозаписи, но на мой взгляд, она прекрасно записана и слушается каждый раз, как в первый раз!

— Сказать, что я доволен — это покривить душой! Я до сих пор в восторге, и этот факт доставляет мне несказанное удовольствие! Долгое время она конкурировала с песней Немана «*Dziwny jest ten świat*», и я был уверен, что на её фоне моя — просто позабудется. Время показало, что это не так, и я абсолютно счастлив!

— А о «Червоных гитарах»? Это был, без преувеличения, самый популярный польский коллектив в СССР!

— Их называли — польские «Битлз», хотя это и некорректно — ведь они творили и писались одновременно с «Битлз», так что это просто голос поколения. Зна-

ешь, из них, безусловно, Северин (Краевский — Я.К.) был самым талантливым, честно.

— А Кленчон? Столько мифов вокруг их сотрудничества...

— И соперничества. Каждый из них тянул одеяло на себя, как говорится. Ссорились даже из-за количества исполненных песен на сцене. Плюс, как это ни банально, деньги сыграли свою роль — я имею в виду отчисления авторские за каждую исполненную песню и тому подобное. Обстановка в какой-то момент стала просто невыносима, и в результате Северин собрал ребят и сказал — либо он, либо я, давайте решать. Как кончилось, ты знаешь.

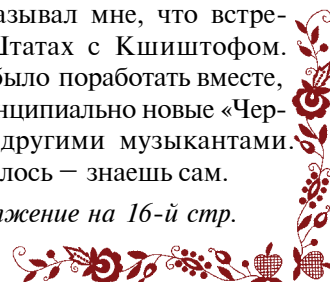
— «Три короны» — отличная пластинка Кшиштофа.

— И все-таки, Краевский — выдающийся мелодист, прежде всего. Поэтом в высоком смысле он не был, тексты ему писал не только я, многие.

— *Nie zadzieraj nosa, śpiewaj razem z nami!*

— И не только эту. Правда, основным, штатным автором «Червоных Гитар» я не был. Тексты эти мои, да и не мои тоже, стали известными хитами именно потому, что Северин мог на коленке, с нуля за полчаса создать шедевр в музыкальном плане. Повторюсь, он был выдающимся мелодистом! Кленчон, по моему мнению, к тому времени уже перегорел. Знаешь, как было с Элвисом? Контракт обзывал, и он ещё что-то выпускал, но это и в подмётки не годилось первым песням. Потом он, Элвис, в смысле, стал принимать... нет, не наркотики, назовём это сильнодействующими лекарствами — утром, чтобы проснуться, а вечером — чтобы заснуть. Секретарше, которая вовремя принесла ему таблетку, он мог подарить «Понтиак», но Элвиса, того Элвиса, которого все любили, уже не было! История не любит сослагательных наклонений. Северин рассказывал мне, что встречался в Штатах с Кшиштофом. В планах было поработать вместе, создав принципиально новые «Червошки» с другими музыкантами. Чем кончилось — знаешь сам.

Продолжение на 16-й стр.

Марек Гашиньский:

Оценить свободу в сравнительных

Начало на 14-й стр.

— А ГДЕ сейчас Краевский? Чем занимается?

— Живёт в Штатах. В этом году мне стукнуло 80, я позвонил ему и пригласил на свой юбилей. Он не смог прилететь, поздравил по телефону. Чем занимается? Сказал, что пытается продвигать польские песни на американский музыкальный рынок. Удаётся ему это, или нет, я, к сожалению, не знаю.

— **Вернёмся к Неману — фигуре бесконечно близкой русскоязычному зрителю/слушателю, и в то же время загадочной и мистической.**

— О Немане я могу говорить долго (*смеётся*). Но лучше послушать мою аудиокнигу «Время как река» — там сказано почти всё.

— **Прямо перед визитом к Вам попытались купить в «Эмнике» и иных магазинах — всё распродано! Обидно.**

— Это же здорово! (*улыбается*). Чесек был довольно застенчивым человеком, как такового образования не имел, приехал в Польшу из Богом забытой белорусской деревеньки как? Василички? Нет, ты неправильно произносишь. Чесек говорил — Вашилишки, от имени какого-то там князя по имени Василий — так он это мне объяснял.

Ну, так вот, у него была

прекрасная и в то же время отталкивающая недалёких людей черта — он молчал, находясь в компании, стараясь не затрагивать в разговоре темы, в которых он специалистом не был. А кроме музыки, скажем честно, его вообще мало что интересовало. Поэтому многие считали его нелюдимым или заносчивым. Но это было не так!

— **А что ещё запомнилось особенно?**

— Много, конечно, так и не упомянешь. А, вот — ты знаешь, он был неимоверно физически крепким человеком, настоящий силач! Мы по молодости пытались, шутя бороться — так с ним никто и связываться не хотел, бесполезно! А ведь он был вегетарианцем, мяса не ел.

— **Я этого не знал.**

— Да-да. И обязательно хочу упомянуть, что он был перфекционистом. Во всём. Всё — от настроенного на сцене микрофона до костюмов и ботинок — должно было быть идеальным. Аппаратура — лучшая. Чесек в этом был весь — вполне мог весь гонорар от концерта потратить на поход по магазинам где-нибудь во Франции — купить отрезы, чтобы пошить костюмы музыкантам — из лучшей ткани, которой тогда было не достать в Польше. Всегда переживал, чтобы каждый из музыкантов по-

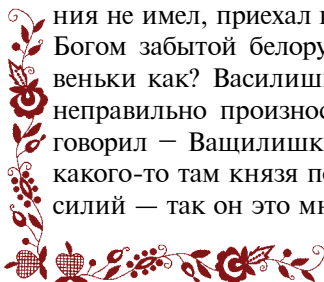
сле работы получил ему причитающуюся по контракту сумму.

— **Знаю, что он упорно искал свой собственный стиль.**

— Ты должен осознать, на него многое навалилось в относительно юном возрасте, и он быстро повзрослел — отец его умер вскоре после переезда. К тому же Чесек умудрился жениться довольно рано по польским меркам, и ему приходилось тянуть семью, в то время как мы, его окружавшие, даже не представляли себе, что это такое. И, если уж он связал свою судьбу с музыкой, то явно не для того, чтобы играть на танцах. Отсюда все его попытки — босса-нова, фанк, соул, восточные мотивы... Помнишь мою песню «Алила»? Текст о девушке из Азербайджана я написал специально по его просьбе, понятия не имея, где находится этот Азербайджан (*улыбается*). Чеслав экспериментировал с восточным звучанием тогда. Потом он всё-таки с годами нашёл свою нишу — это этно и фолк. Фольклор ему удавался. Ты, конечно, слышал пластинку «Русский лидер», где он поёт по-русски? По иронии судьбы, она была издана в Германии, СССР не был заинтересован в издании пластинок перебежчика. Все эти «Я встретил девушку, полумесяцем бровь», «Ёлочка-со-сёночки», «Ты пойдешь, моя Бурёнушка, домой» и прочее — это его попытки найти свой собственный путь. Он был очень упорный и работоспособный.

— **Вижу, у Вас тут папки с публикациями о нём?**

— О нём, и не только. Мне доставляет истинное наслаждение

Категориях нельзя!

перекладывать и систематизировать данные (всё в оригиналах!!!) о польском джазе, роке и поп-музыке. Могу заниматься этим дни напролёт. Есть у меня и несколько часов записанных разговоров с Чеславом. Но публиковать их я по ряду причин не могу. Вот, есть папка с ксерокопиями статей про Марылю Родович. Хочешь, я тебе подарю? Про неё я книг писать уже не буду — она сама прекрасно справляется с пиаром (*смеётся*). Собирал годами. Я тут отдам тебе кое-что, подарю. Ты собираешь материалы о польских музыкантах? Вот парные фото — это все оригиналы тех лет! Краевский, Возняк, Поломский.. Так, и диски эти заberi. Я всё это уже слышал, а тебе пригодится! Не благодари, не за что!

— **А вот из русскоязычных музыкантов кого бы Вы хотели услышать? Мы привезём Вам!**

— Ты знаешь, выше всех музыкантов на свете, выше «Роллинг Стоунс» я всегда ценил Высоцкого — да, того парня, который женился потом на французской актрисе Марине Влади. Маленького роста, не красавец, правда? Нет-нет, я лично не был с ним знаком, он из наших близко дружил с Даниэлем Ольбрыхским. Помнишь? «Идёт охота на волков, идёт охота». Это не талант, это гений! Качмарского бы без него не было.

— **Знаю, в Польше вообще была мода на поэтов с гитарой из СССР — Окуджава, Высоцкий, Галич...**

— Ну, Окуджава был у нас просто бешено популярен — всё благодаря своей дружбе с Агнешкой Осецкой. Высоцкий пользовался огромным успехом, и вот именно

его диск в хорошем качестве — моя мечта! Сможешь привезти? Нет, он в Польше не записывался, я бы знал. И ещё одного музыканта хотел бы — не помню фамилии, как — то на «Ш». Помню, он в 1990-х уехал в Штаты из России, и записал хорошую песню — «Атаман». Как? Точно, Шуфутинский!!! Привезёшь?

— **Напоследок — о чём мечтаете?**

— У меня всю жизнь было три мечты. Первая — пожить в Портофино — маленькой рыбацкой деревушке на границе Италии и Франции. Средиземноморский климат, море, пляжи, вкусная еда, терпкое вино, красивые женщины. Нет-нет, не включай видео, не хочу это потом видеть где-нибудь на Ютьюб (*смеётся*). Сейчас это уже город, но построенные отели-небоскрёбы не испортили вида на море, насколько я могу судить по фотографиям из интернета. Я ведь так никогда там и не побывал!

Вторая мечта — это купить когда-нибудь и поуправлять властью машиной «Мерседес-Бенц». Этим я просто бредил. Представлял себе эту красавицу с редким именем Мерседес — дочь автомобильного магната, и в душе понимал, почему он назвал самый совершенный в мире автомобиль именем дочери.

— **А третья?**

— Снять художественный фильм о Чеславе Немане. Это будет просто бомба! Тем более, что он умер недавно, и живы люди, которые его помнят.

— **Так, а за чем дело стало? Сценарий?**

— Нет, сценарий я напишу, это вообще не проблема. Не нашлось пока режиссёра, в чьи руки я был бы готов это отдать. Да и из желающих очереди я не наблюдаю. Скорее всего, если это и случится, то много позже и без меня, снова снимут очередной голливудский миф, когда свидетелей его жизни и смерти уже почти не будет, зарабатывают на этом кучу денег.. А жаль.

— **80 лет — это длинная жизнь.**

— Ты хочешь понять, зачем всё это было? Почему был протестный дух и все остальное? Видишь ли, я слукавлю, если скажу тебе, что было тяжело зарабатывать и жить, колбаса была дорогая и ипотека неподъёмная. Потому что и сейчас, как и тогда — молодым тяжело зарабатывать и жить, еда дорогая, а ипотека — рабство, вне зависимости от того, капитализм сейчас или коммунизм. Времена не меняются. Мы все это делали из желания получить элементарную человеческую свободу — носить одежду, которая нам нравится, говорить, что думается, слушать и играть, что хочется. С этим, сдаётся мне, сейчас полегче, а значит — всё было не зря.

— **Спасибо большое, что уделили нам время!**

— Тебе спасибо!

Ян КАРБОВНИЦКИЙ

Сильный лобовой ветер со стороны входа в Английский канал заставил наш старый учебный парусник «Львов» бросить якорь у восточного побережья Англии, чтобы дожидаться смены погоды. У начинающих офицеров «Львова», которые приходились старшими товарищами кадетам, принятым на этот рейс, сложилось своё мнение, отличное от решения коменданта и старшего офицера — ветер переждать.

— Чем скучать на якоре, могли бы пойти вокруг, то есть между Шетландскими и Овечьими островами, — говорили они. — Обогнули бы издалека кладбище парусников — Бискайский залив, и не ждали бы унижительной для морехода милости от ветра.

Выпускники этого года, последний раз участвующие в рейсе учебного белого барка для подготовки к сдаче практического экзамена, горячо поддерживали своих старших коллег — офицеров.

Однако обогнуть Шотландию — путь неблизкий, даже в масштабе всего нынешнего рейса, сроки которого нарушить было невозможно. Мы направлялись в Констанц на Чёрном море, где нам предстояло по специальному приглашению малолетнего короля Румынии, семилетнего Михая, своим участием украсить румынские Дни моря.

Это случайное якорное место нашего учебного барка было исключительно занимательным. Под влиянием приливов здесь непрерывно менялись скорость и направление течений, а также глубина, которая вроде бы никогда не соответствовала указанной на карте.

В кадетской штурманской рубке беспрестанно шелестели страницы атласов течений, таблиц приливов, астрономических ежегодников и навигационных таблиц. Каждому выпускнику предстояло по нескольку раз собственноручно измерить при помощи лота глубину и проанализировать разницу между указанной на карте и действительной. Это были упражнения по так называемому «приведению показаний лота к нулю глубины». Нуль глубины — таинственное

*Малолетний король Румынии
Михай I*

название, обозначающее уровень моря, с которым соотносятся глубины, указанные на морской карте. Уровень моря, зависящий от временных приливов, побуждал к дискуссии, какое состояние вод считать наименьшим. Поэтому каждая морская держава полагала делом чести по-своему указывать его для собственного побережья, что приводило к неопишным страданиям кадетов морских училищ.

В штурманской рубке были постоянно слышны голоса двоих «вечно» препирающих между собой — Дызя и Пиглу.

— Как только у тебя всё сойдётся с точностью до тысячной миллиметра, я расшибу эту гениальную голову, — кипятился Дызь.

— Дызик, послушай только, я обсчитал с точностью до полминуты уровень вод с привязкой к Дувру, интерполировал с точностью одной тысячной, высчитал на этот момент расстояние от Земли до Луны и Солнца и их склонение с точностью до десятых долей минуты, принял во внимание атмосферные условия и величину прилива, и все ветра, могущие повлиять на состояние тутошних вод в течение последней недели, учитывая при этом экмановскую спираль.

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

— Пиглу, прекрати! Прекрати, моё терпение на исходе! — кричал Дызь так громко, что его слышно было по всей палубе.

Но Пиглу продолжал с упоением рассказывать о своих расчётах и своей гениальности, никем не оценённой по достоинству. Предшествующие его достижения послужили поводом для присвоения ему прозвища «Пиглу», которое, будучи быстро произнесённым несколько раз подряд, раскрывало своё истинное значение¹. Тогда никто ещё не разглядел в нём мировой славы художника, выставку которого будет открывать Бернард Шоу, никому в голову не приходила мысль, что Пиглу выставит свои картины в Королевской Академии, и что в качестве придворного художника он будет сопровождать королеву Елизавету II в путешествии на Бермуды. Пока же Пиглу подтверждал своей болтовнёй персидскую поговорку, что «хороший петух ещё в яйце кукарекает».

Об этом кукареканье в яйце Сфорца сочинил двустишие:

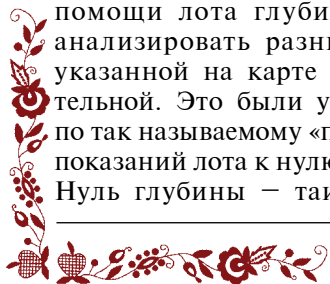
*Славный Пиглу — это Я.
Миражом вас взбудоражу.
О! Ля! Ля!*

В этот период Пиглу бегло представлял свои миражи на трёх языках, не считая родного. Употребляя лексику того самого Сфорца, Пиглу с равной лёгкостью поигрывал на пианино и скрипке, «упражнялся в гимнастике», дирижируя камерным оркестром, который сам же и организовал, вовлекая в него более-менее музыкальных коллег, и иллюстрировал учебники, издаваемые преподавателями Морского училища, пером и тушью творя чудесные парусники. Со временем эти парусники были помещены в изданных Пиглу на английском языке книгах «Как рисовать суда и море» и «Как рисовать своё судно».

Способности и своеобразие, а прежде всего, особенности носа и умение владеть шпагой привели

* Продолжение. Начало см. в № 1 (64) 2020 г.

¹ Пиглу → глупи (польск. *glupi*) — глупец (*переводч.*).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

к тому, что многие хотели видеть в нём двойника Сирано де Бержерака.

Сфорца утверждал, что нос Пиглу напоминает парус топсель, который своевременно при надвигающемся шторме Пиглу свернуть не удаётся, что приводит к нередким, но вполне очаровательным дрейфам его личности в стиле Казановы.

Самыми же замечательными были продовольственные посылки, присылаемые Пиглу из дому. По преимуществу они были забиты оригинальной охотничьей колбасой, которая, по утверждению Сфорцы, была длинна как сам Пиглу и его солитёр, который не позволяет своему хозяину сменить внешность живого образа голодающего индуса.

Если продовольственная посылка Пиглу бывала замечена вовремя, то его незамедлительно связывали по рукам. Свои колбасы он наблюдал исключительно издали, а Сфорца объяснял ему, что кормить солитёра этими деликатесами было бы слишком расточительно.

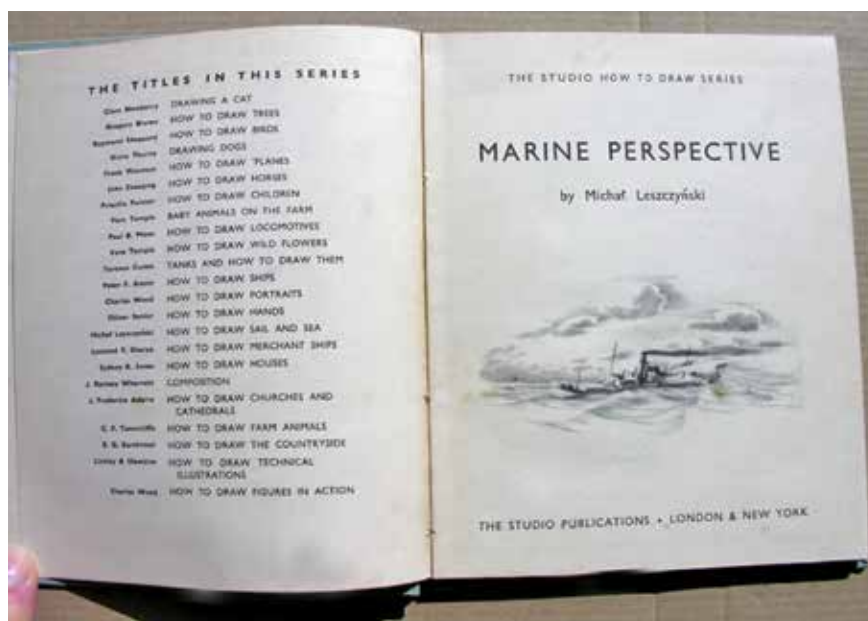
Этот солитёр стал предметом буйного воображения Сфорцы, выпускника кинематографического училища. Во время рейса при умеренной качке Сфорца с успехом играл роль штурманского офицера. А при порывистой качке

Клод Фаррер

² Клод Фаррер (1876–1957) — французский флотский офицер и писатель (переводч.).

³ Пьер Лоти (собств. Луи Мари-Жульен Вио, 1850–1923) — французский флотский офицер и писатель (переводч.).

Титульный лист книги Лещинского

с таким же успехом изображал он человека, обездвиженного морской болезнью. В одиночку. На сцене, в которую превращал ненавидимый всеми судовой лазарет.

На большой койке он выступал в роли счастливого Тантала, наслаждавшегося видом друзей за угощением — специально для этого путешествия приготовленными косульми кострецами, кабаньей ветчиной и многими другими деликатесами, поскольку от семьи Сфорца из Пинских болот доставлялись перед выходом в рейс столь огромные припасы, будто предстояло ему отправиться в крестовый поход. В Полесских чашах водилось такое количество зверья, что эти деликатесы там были буквально «бесценны», но на борту эта «бесценность» вновь приобретала своё привычное значение.

У койки Сфорцы частенько выясняли отношения Дызь и Пиглу, но по совершенно другим поводам. Одно время темой их разногласий стали птицы. Дызя постоянно интересовали такие вопросы, как причины наличия вытянутой шеи у жирафа и хобота у слона, и чем полёт ласточки отличается от порхания воробья.

Ответы на эти терзающие вопросы он искал в сочинениях Дарвина на французском языке. Сфорца, почти на память знающий морские рассказы Клода Фаррера² и Пьера Лоти³, Дарвина не симпатизировал и выражал опасения, как бы Дызь, с воодушевлением отдающийся изучению доказательств Дарвина, не возжелал проверить то всё, чего начитался, и не решил постоянным местом жительства избрать какое-нибудь дерево в Африке, чтобы превратиться в прашура.

Продолжение на 22-й стр.

Пьер Лоти

**Командант «Львова»
Константин Мацевич**

Начало на 20-й стр.

ПИГЛУ интересовался исключительно окрасом оперения птиц, так же как и расцветкой цветков. Причины окрашивания он искал в особенностях носителей цвета и географической широте их местопребывания в соответствии с созданной в своём собственном воображении теорией цветового баланса. Дызь же полагал, что окрашивание определяется в соответствии с условиями обитания. Сфорца запальчиво отверг обе теории рассказом об уникальной коллекции перелётных птиц семейства куликовых турухтанов (*Machetes Pugnax*), редкие экземпляры которых находились у его знакомых, осевших на пинских болотах.

— Пиглу, — говорил Сфорца, — какой может быть цветовой баланс, если ни один самец сравнимых форм не повторяет окрас оперения в брачный период? А по твоей теории, Дызык, каждая особь этих птиц, появляющаяся именно в мае на широте пинских болот, должна приукраситься в иного цвета хохолок и ободок. Миражи! О каком приспособлении к среде обитания может идти речь, если во время тока они часами могут проделывать всё понарошку, только изображая ожесточённую борьбу? Мне никогда не доводилось наблюдать, чтобы в ходе такой битвы один из них обидел бы другого. Великолепные актёры, не рыцари вовсе на турнире, а сходятся лишь для того, чтобы рас-
положить к себе даму

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

сердца. Их поклонницы наблюдают за играми. А у каждого из соперников таких дам по несколько.

Слабостью Дызя, отвлекающей его от изучения исследований Дарвина, было творчество Горького, полное издание произведений которого в оригинале он постоянно возил с собой. В лице Дызя не просматривался будущий профессор экологии, а тем паче — будущий сановник.

Дызь и Пиглу меняли тему своих бесконечных диспутов в зависимости от места пребывания.

Во время затянувшейся стоянки в ожидании смены ветра споры в штурманской рубке становились всё более пылкими.

— Пиглу, если ты такой умный, скажи, каков нуль карты, принятый Японией?

— Средний наинизший низкий уровень вод, — без заминки отпарировал Пиглу.

— Мираж, Пиглу. Мираж, — радовался Дызь. — Ничего подобного. Индийский низкий уровень сизигийных вод. Ладно, тогда уже скажи, каков нуль карты в Голландской Вест-Индии? А?

— Индийский низкий уровень сизигийных вод, — повторил Пиглу только что услышанный от Дызя нуль японской карты.

— И опять твой невероятный мираж! Такой нуль не мог бы тебе даже присниться. Средний полугодовой наинизший низкий уровень вод. Но Бог троицу любит. Скажи, голландцы...

— Отцепись, Дызь, — раздражался Пиглу. — Перестань меня доносить!

— Ого! Не перестану, — издевался над ним Дызь, — Как только точность вычисленного тобой уровня вод не превысит одной тысячной миллиметра, я тебя ещё разок переэкзаменую, хотя и без того понятно, что ничего ты не понимаешь.

К счастью, «Львов» снялся с якоря и через Английский канал направился с визитом к семилетнему королю.

Всевозможные занятия, могущие пригодиться выпускникам в будущем, даже постановка и уборка парусов, исполнялись с воодушевлением, а вот приборка, покраска и надраивание медяшки относились к работам, объёмам рождённой в училище поговоркой: «лень — залог здоровья». В случае, если кто-нибудь из выпускников не исполнял обязанностей старшего по штурманской или боцманской вахте, то пока не наступит его очередь занять один из этих постов, считал себя пассажиром, свободным от работ по приборке. Поскольку в этом году выпускников было несколько больше, чем достойных их постов, свободные от службы придумали самоубийственную забаву в ходе вахты, выбирая по жребию из своей среды того, кто должен был в соответствующий момент пересечь жизненный путь коменданта, причём с незанятыми никакой работой руками. Остальные же

Турухтан

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Плотник Овсик со своей моделью «Львова»

из-за ближайшей надстройки наблюдали наступление страшного момента, когда комендант накинется на предназначенную для него жертву. Ужас жертвы всегда был велик, поскольку комендант на дух не переносил шляющихся по палубе бездельников. Следует признать, что морской этикет на судне строго всеми соблюдался, и в месте, где велась работа, никто не бил баклуши, а если его неожиданно застали спящим или отдыхающим, даже перед заступлением на вахту, каждый тут же прикладывал свои усилия в помощь «труженикам». Комендант, конечно же отлично знал, что часть выпускников неуловима, и не жалел времени на охоту за экземплярами, наиболее в праздности изощрёнными.

В каком направлении потекут мысли коменданта после задержания выпускника, и чем это обернётся, предугадать было невозможно. Зачастую всё зависело от места встречи с судьбой, а место выбиралось заранее.

Наименование «комендант учебного судна» было позаимствовано от французского флота и легко прижилось на «Львове», поскольку и первый, и второй офицеры — как и комендант — были капитанами дальнего плавания. Обращение к ним «пан поручик» воспринималось бы как разжалование из заслуженного

ими капитанского звания. Величие же их всех капитанами, безусловно нарушало бы право на этот титул, закреплённый за капитаном судна, что вызвало неудовольствие, выраженное предыдущим капитаном во фразе: «Значит, титуломания». Нынешний титул коменданта ясно подчёркивал должность и звание, одновременно позволяя соответственно титуловать первого и второго офицеров.

Нынешний комендант благодаря катастрофе подводной лодки, в ходе которой он добровольно погрузился на дно, чтобы не оставить её экипаж без командира, а после погашения паники эвакуировал на поверхность оставшихся в живых и вышел сам, — располагал неограниченным кредитом на «растерзание» подбрасываемых ему жертв. Жертвы же не имели права обижаться на коменданта за услышанные в свой адрес прилагательные. Вот это была забава!

По мнению Сфорцы, на стороне коменданта был трепет перед ним, так же, как по словам негров в Восточной Африки, «страх перед леопардом — это его сила».

Сам же Сфорца, когда жребий обрёл его в жертву, от страха перед подходящим комендантом присел на палубу, опираясь обеими руками о её гладкие и чистые доски.

Когда страшный крик: «Почему ничем не заняты?» проник

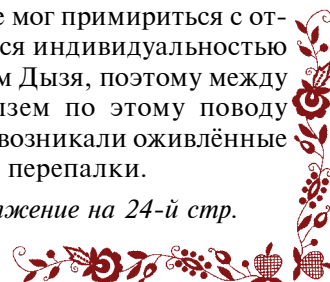
сквозь тело Сфорцы, к нему неожиданно вернулся дар речи, и он заявил, что ищет место в пазу, где палуба протекает, и требуется его законопатить, то есть забить паклей и залить варом. Что именно он, Сфорца, чувствует свою ответственность за то, чтобы найти и заделать совершенно незаметную для глаза, но несомненную течь, поскольку именно в этом месте вода капает в его койку.

Дело это пробудило в коменданте несомненный интерес, и он тут же присел рядом со Сфорцей, чтобы лучше рассмотреть это слабое место своего судна. Течь представляла тем больший интерес, что конопатные работы месяц назад проводил большой специалист по этой части, судовой плотник Овсик. Над головами несчастного потомка Сфорцов и ни сном, ни духом невиноватого плотника нависла грозная буря. К счастью, неожиданная смена ветра смела сгустившиеся тучи.

Сфорца утверждал, что пожертвовал Овсиком для спасения собственной жизни. Комендант не имел привычки ворошить старые дела, поскольку будущее приносило столько дел новых и интересных, что на прошлые попросту не хватало времени.

Была, тем не менее, одна вещь, постоянно коменданта раздражавшая и не дававшая о себе забыть — это одеяние Дызя. Одеяние, которое, вроде бы ничем не отличалось от одежды других кадетов. Однако каждая его часть обладала свойственной ей неповторимостью, как, впрочем, и сам владелец, и жила собственной отдельной жизнью. Несмотря на то, что одеяние шилось индивидуально для Дызя, в целом производило оно такое впечатление, что снято с кого-то другого. Комендант не мог примириться с отличавшимся индивидуальностью убранством Дызя, поэтому между ним и Дызем по этому поводу частенько возникали оживлённые словесные перепалки.

Продолжение на 24-й стр.

А ПОСКОЛЬКУ голос Дызя в таких схватках удивительным образом напоминал голос коменданта, случайным слушателям это доставляло немало удовольствия.

В этом рейсе Дызю по жребию достались ростры, где стоял бы-строходный десятивёрсельный парадный катер. Ростры полностью просматривались комендантом, стоящим на юте. Дызь, в соответствии с задумкой, зашёл на ростры и стоял там праздно до тех пор, пока комендант не проявил к нему интереса. С целью отвлечения внимания коменданта от своего одеяния, постоянно дававшего повод для дискуссии, и подвергавшегося всё более отрицательной оценке, Дызь взял в руку неосмотрительно оставленный кем-то на рострах термометр для измерения температуры воды.

На палубе под рострами лежало ещё и парусиновое ведёрко, одно из тех, которые мы сами же и изготовляли. Делая вид, что не замечает интереса коменданта к себе, Дызь приложил термометр к уху.

Увидев это, комендант зычно прокричал:

— Халерааа! Это что вы там вытворяете?

«Холера» ни в коим разе Дызя не касалась. Это был радостный вопль охотника, уверенного в том, что дичь от него не ускользнёт. В любом случае, окрик этот прозвучал по-дружески.

— Прислушиваюсь, идёт ли, пан комендант! — своим, но по-

Парусиновое ведро

ходим на голос коменданта, откликнулся Дызь.

— АААааа!!! — завибрировало в воздухе. — Повторите, что вы сказали! — извлёк из себя побавровевший комендант.

— Слушаю, идёт ли термометр, пан комендант. Не испортился ли?

В ответ на это посыпался на Дызя град прилагательных и сравнение с парнокопытным четвероногим, которое, по мнению коменданта, также разбирается в апельсинах, как Дызь в термометрах. Комендант избегал польских вульгаризмов, предпочитая им греческие. Спрятавшихся за надстройкой выпускников потрясло новое слово *idiotropos*, означавшее на родном языке Одиссея «своеобразный».

Поскольку термометр не должен был находиться на рострах, интерес коменданта к Дызю был тут же переключён на того, кто предположительно мог термометр там оставить. Брошенное ведро немедленно навело громомечущую волну на плечи младшего штурмана, в обязанности которого входило измерение температуры воды, благодаря чему Дызь, успешно выдержав испытание, покинул ростры, чтобы включиться в рутину судовой жизни «Львова».

Лавируя среди греческих островов и белых шквалов, «Львов» достиг Чёрного моря, нанёс в назначенный срок визит малолетнему королю, принял на борт новую молодь кандидатов и резво развернулся в сторону дома, задерживаясь лишь на момент для отдыха в Алжире. Экзотический флаг «Львова» и его возраст возбудили интерес высших сфер Алжира. Возможность посетить старый парусник под экзотическим флагом привлекла даже дипломатические сферы в лице нескольких изысканных дам и господ.

Фигура готового сойти на берег Пиглу напоминала Подбипятку⁴ с побритыми усами, и этим обратила на себя внимание

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Кольцевание альбатроса на «Львове»

вахтенного офицера, который тут же поручил Пиглу провести по судну дипломатический корпус. Избранное общество стояло на корме «Львова», рассматривая стройность его мачт и паутины такелажа, когда неподалёку упала на палубу какая-то птица, выбившаяся из сил от долгого полёта над морем. Дамы первыми обратили на неё внимание, заинтересовавшись прекрасным оперением. Птица неподвижно лежала на палубе.

Пиглу, предугадывая пожелание дам, поднял птицу и попытался продемонстрировать размах её крыльев. В этот самый момент появился гонимый любопытством Дызь из дежурной вахты. В поношенной робе, истомлённый, был он абсолютно лишним на корме в присутствии экскурсантов, причём во главе с комендантом.

После истории с термометром Дызь не существовал в сознании коменданта как *homo sapiens mariniensis*, и теперь, имея ввиду интерес к Дарвину, принадлежал к предкам рода человеческого. Наблюдая его сейчас, одетым в то, что когда-то можно было назвать робой, комендант почувствовал, как в нём созревает буря. Дызь же,

⁴ Подбипятка (польск. *Longinus Podbipięta*) — персонаж «Трилогии» Генрика Сенкевича (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

как только услышал обращённый к Пиглу вопрос, на который тот не смог ответить, потрясённый видом лежащей на руках птицы, начал на чистом французском языке объяснять происхождение птицы, её повадки и причины случившейся трагедии. Перечислил на латыни её родовую принадлежность и так увлёкся описанием этого редкого экземпляра, что забыл о присутствии коменданта. Говорил он с таким воодушевлением и знанием предмета, что заморозил всех собравшихся. Теперь уже вопросы сыпались один за другим. Дызь был в своей стихии. Демонстрировал формы когтей и клюва, оперение и характерные особенности этого вида. Когда разговор перешёл на расцветку, на момент передал голос Пиглу, который посвятил слушателей в свою теорию цветового баланса.

Все, собравшиеся на корме, казалось не обращают внимания на недостатки убранства Дызя. Все были явно изумлены неожиданной лекцией и её высоким уровнем. Когда тема перелётной птички была полностью исчерпана, комендант обратился к Дызю:

— Кто из вас лучший орнитолог, он или вы? — говоря это, указывал на Пиглу.

— Он, — без раздумья ответил Дызь.

— А мне кажется, что, пожалуй, вы, — улыбаясь в усы изрёк комендант. — Это вы всё время говорили.

— Нет-нет, он лучший орнитолог, пан комендант, — упирался Дызь.

— Почему же он? — удивлялся комендант. — Разве он изучает так же серьёзно, как вы? Или глубже вас? — продолжал опрос.

— Нет, пан комендант, — ответил Дызь, — дело в том, что он съедает яичницу из тридцати яиц, а я только из пятнадцати.

Продолжение беседы, несмотря на присутствие изысканного дипломатического сообщества, вылилось во взрыв смеха, сквозь который можно было уловить звучание греческого определения «своеобразный».

ВЕТЕР

В течение восьми дней беспрестанного восточного ветра мы смогли прочувствовать на себе все прелести, выпадавшие некогда мореходам больших парусников, и зависящие от настроения их капитанов. А заключались они в границах, определённых двумя понятиями: КОРАБЛЬ-АД и ПЛАВУЧИЙ СЕМЕЙНЫЙ ДОМ.

Капитан нашего учебного парусника был удивительно похож на современного ему кинокомика Макса Линдера, и был лишь чуть-чуть менее забавен, чем этот популярный артист. Зато наделён он был гениальной способностью переключаться от настроения капитана КОРАБЛЯ-АДА, орущего: «Бабы у меня, а не офицеры! Уже три дня в море, а я до сих пор крови на палубе не видал!», до настроения жены капитана на ПЛАВУЧЕМ СЕМЕЙНОМ ДОМЕ, заботящейся не только о команде, но и о случайно упавших на палубу птицах. Не следует путать ПЛАВУЧИЕ СЕМЕЙНЫЕ ДОМА, на которых капитанскими жёнами, наделёнными добрым сердцем, суровая матросская жизнь облегчалась теплом домашнего очага, с КУРЬИМИ ФРЕГАТАМИ, где также правили жёны капитанов, но абсолютно бессердечные.

В этом рейсе у нас стажировался офицер военно-морского флота. Из мягкосердечия принял он на себя заботу о нескольких голубях, которые, затерявшись в Атлантике, упали на палубу нашего парусника, направлявшегося в Чёрное море. Во время исполнения поворота оверштаг, когда вся команда стояла в готовности перебросить фок, то есть повернуть все реи фок-мачты с помощью тросов, называемых брасами, мы услышали ожидаемую команду, озвученную зычным голосом капитана через медный рупор, начищенный до границ сопротивления металла:

— Фооок вооороочааай!

И тут же этот же голос добавил:

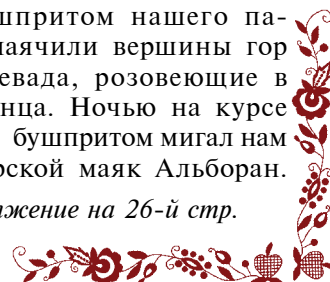
— Пан Попееель! Почему голуби не напоены?

В течение этой страшной недели каждое утро на курсе *nord* перед бушпритом нашего парусника маячили вершины гор Сьерра-Невада, розовеющие в лучах солнца. Ночью на курсе *south* перед бушпритом мигал нам огнём морской маяк Альборан.

Продолжение на 26-й стр.

Маяк Альборан

Начало на 20-й стр.

ВСЕ наши оверштаги, исполняемые каждые шесть часов, при лавировании на меридиане островка Альборан, не приносили нужного результата: восточный ветер не позволял пробиться на широкие воды Средиземного моря. Бушприт, как часовая стрелка, указывал то на уже опознанный нами пик Сьерро-де-Муласен, то на Альборан, морской маяк, или на его огонь.

В течение первых четырёх дней мы с увлечением упражнялись в оверштагах под сияющей улыбкой нашего капитана. На пятый день его настроение резко переменилось. Капитан принял искать виноватых в том, что уже пятый день нам не удаётся продвинуться на восток ни на один кабельтов.

Виноватыми оказались, прежде всего, рулевые, не слишком остро державшие курс к ветру, и все кадеты, чересчур уж медлительно брасовавшие. Из-за этого при каждом повороте мы теряли то, что выигрывали за шесть часов хода теоретически курсом семь румбов к ветру.

Капитан начал выходить из себя. Пронзительным голосом оглашал он, что ничего мы не умеем делать, что он сам, пожалуй, станет к штурвалу. Каждому становилось ясно, что — чтобы мы ни делали, всё было не по-морскому, бездарно, кое-как. И тогда кто-то из кадетов в момент наивысшего ора капитана запел:

— Питон буянит! Питон буянит!

Киноартист Макс Линдер

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Перед заступлением на вахту

С этого самого момента капитан стал ПИТОНОМ.

Когда после утреннего поворота наша вахта принялась драить палубу юта, в открытых дверях, ведущих в кают-компанию, показался капитан:

— Ааа, холерааа! Даже драить толком не умеете! Щётку никто не знает, как держать!!!

Мы не стали дослушивать мнения капитана о нашей работе. Все побросали щётки и дружно бросились на нос, под бак, в наш гальюн, напевая по пути:

— Питон буянит!

Едва успели мы захлопнуть двери «домика без окошек и трубы», послышался топот ног бегущего вслед за нами вахтенного офицера. Мы тут же ухватились за дверную ручку, не давая ему войти. Четвёртый офицер был нашим товарищем, старше нас на год. Двери мы держали крепко, и ему пришлось вступить с нами в переговоры:

— Возвращайтесь на палубу, — уговаривал он, — продолжайте работу!

— Ну, нет! Это невозможно! Сначала Питона загони под палубу!

— Вы с ума сошли?!

— Загони Питона! Умрём здесь с голоду, но не выйдем прежде, чем загонишь его под палубу. Иного выхода нет!

Не сумев с нами договориться, четвёртый пошёл на корму.

Выражение его лица было столь скорбным, что Питон, добродушный по натуре, моментально встревожился:

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Вахта вас боится, пан капитан!

— Почему боится?

— Вы сказали, что они ничего не умеют делать, поэтому они и боятся.

Двойник Макса Линдера улыбнулся:

— Ну, тогда я пошёл в каюту.

В наше убежище постучал кадет из штурманской вахты с радостной вестью, что Питона на палубе уже нет. Мы вернулись к работе, и продолжили драить палубу. Пришлось поторопиться, чтобы наверстать упущенное время.

Как раз в тот момент, когда все увлеклись работой, на палубе показался капитан. При его виде все мы как по команде побросали щётки и ринулись к трапам, ведущим на шкафут, чтобы скрыться под баком. До нас докатился радостный крик:

— Холерааа! И в самом деле бояться!

Мы оглянулись и увидели нашего капитана, направляющегося в офицерские помещения. Вернулись к работе.

Ветер так и не поменял направления: *east*, неизменно *east*!

Во второй половине дня нам показалось, что буйство Питона

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

достигло предела. С криком: «Холера! Без жертвоприношения ветер не переменится!», и прежде, чем кому-либо удалось сообразить, сорвал с себя великолепный огромный бинокль, приобретённый за с трудом годами сбережённые деньги, и швырнул его за борт. В ожидании результата жертвоприношения наступил шестой день не стихающего восточного ветра.

Шестой день начался с тихо под носом напеваемой песенки «Питон буянит». Первая вахта терпеливо переносила нелестное мнение о своей работе, высказанное капитаном. После завтрака до тех, кто был занят работой неподалёку от кормы, стал доноситься громкий голос капитана, командующего саму себе:

— Ась, два! Ась, два!

Голос раздавался из нижних кормовых помещений.

Капитан сам себе подавал команды обычно лишь в порту, когда «натякался» на распорку фока-брасов левого борта. Эта распорка длиной около полуметра и толщиной с руку, от-

литая из железа, способствовала увеличению угла между ноками реев и местом крепления брасов. Размещалась она на шкафуте прямо под планширем перпендикулярно левому борту. Многие годы тому назад распорку погнули. Изгиб был ничтожен и ни в чём не мешал никому, кроме капитана.

В порту, если капитан располагал свободным временем, и натякался на распорку, то немедленно решался её рихтовать. Он вызывал трапового и зычным голосом командовал:

— Кувалду из машины!

Одетый в белую накрахмаленную тужурку, в жёстком воротничке и при галстукке, усаживался капитан верхом на планширь, и обращался к траповому:

— Ну-ка, давай кувалду!

Затем с криком «Ась!» обеими руками поднимал кувалду над собой, а на «Два!» опускал её на распорку.

Это были минуты великой передышки на судне. Все знали, где капитан. Не меньше часа раз-

давалось громкое «Ась, два! Ась, два!»

Час спустя капитан выглядел, как вытасченный из воды. Работа под жарким южным солнцем превращала воротничок и галстук в мокрую тряпку. Капитан, довольный собой, соскакивал с планширя и сам себе говорил:

— Холера, вот это я испачкался! Но распорку чуток выпрямил!

Насколько первое замечание было справедливым, настолько второе — очень преувеличенным. Форменная одежда выглядела как побывавшая в грязной воде, а вот распорка ни на миллиметр прямее не стала.

Через полчаса капитан появлялся на палубе переодетым, выкупавшимся и значительно успокоившимся. Первой жертвой пал траповый.

— Почему кувалда из машины всё ещё на палубе?!

Время отдыха миновало.

По отголоскам, доносящимся из чрева парусника, можно было догадаться, что Питон что-то волючит.

— Ась, два! Ась, два!

После каждого «Два!» было слышны звуки кантования чего-то по трапу. Это что-то наверняка было тяжеловато, поскольку к «Ась! Два!» Питон добавлял ещё и «Холера».

— Ась! Два! Холера!

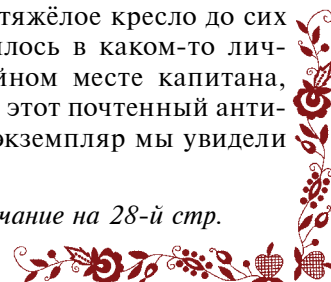
Ещё несколько «Ась! Два!» и на палубе показался Питон с огромным креслом.

Кресло, пожалуй, помнило ещё семидесятые годы девятнадцатого века. Было оно одним из тех, в которых капитаны старинных парусников проводили иногда дни и ночи на палубе, когда их присутствие было там безусловно необходимо. Это огромное тяжёлое кресло до сих пор хранилось в каком-то личном потайном месте капитана, поскольку этот почтенный антикварный экземпляр мы увидели впервые.

Окончание на 28-й стр.

Кадеты дряют палубу «Львова»

ПИТОНУ, как видно, пришлось приложить немалые усилия, чтобы его извлечь. Теперь мы поняли его намерения – решил по примеру прежних капитанов проводить ночи на палубе, чтобы присматривать за тем, как мы управляем судном.

Однако нас постигло разочарование. Под очередной выкрик «ась! два!» кресло оказалось на высоко поднятых руках Питона. Удерживая таким образом это гигантское кресло, он стал напоминать циклопа, намеревающегося метнуть камень. Не торопясь подошёл Питон к борту. Ещё момент, и радостное «ась! два!» огласило, что причина неблагоприятного восточного ветра утоплена в голубом Иберийском море.

Ночью перед бушпритом нам, как обычно, открылся огонь морского маяка Альборан.

На седьмой день с самого утра Питон бросился к мачте, и принялся скрести её когтями с той стороны, откуда желал получить ветер. Он уже всю неделю делал это, и не было в этом ничего необычного. Но сегодня Питон отважился на вещь самую на паруснике страшную – стал при этом свистеть! Свистящий капитан! Это был вызов, брошенный несчастьям!

Страх и паника обуяли всех нас.

Для успокоения Питона существовало лишь одно верное средство. Но никто из нас таким «лекарством» уже не располагал. Разве что кто-нибудь, не выдержав нервного напряжения, не совершит жертвоприношения, чего в открытую требовать было ни с чем не сообразно.

Питон продолжал скрести мачту и остервенело свистеть всё громче и громче. Если не перестанет, то навлечёт немислимое несчастье и гибель судна. Свист на парусниках сродни проклятью. Сжалится ли кто-нибудь над старым парусником, и пожертвует... свои часы?

Единственным спасением было подсунуть Питону неисправные часы. Лучшее всего подходил большой будильник. Сломан-ный бу-

КРЕЙСЕР

дильник, положенный на тропе Питона, гарантировал иногда несколько дней спокойствия и хорошее настроение капитана. Питон ремонтировал всё неисправное, что только ему в руки ни попадало. Чем сложнее механизм удавалось нам раздобыть для ремонта, тем большей была радость Питона. Он забывал о еде-питье и несколько дней на палубе не замечался. Потом он появлялся с отремонтированным устройством в руке и говорил:

– Дурни, холера! Столько ненужных частей туда натолкали!

У Питона всегда оставалось несколько лишних шестерёнок. Но будильник ходил. На паруснике господствовали радость и тишина.

К нынешнему дню мы уже несколько месяцев провели в море. Запас будильников, привезённых из отпусков, был уже исчерпан. Надежда оставалась только на часы. Но выразит ли кто-нибудь готовность добровольно испортить свои часы, чтобы отдать их Питону в ремонт? Приходилось считать с тем, что несколько шестерёнок наверняка останутся совершенно «лишними».

Пока же все поспешно принялись доискиваться причины измучившего нас ветра. Без причины, как известно, ничего не случается. Несчастья подобного типа выпадают, к примеру, из-за преждевременного, по неосмотрительности вписанного в судовой журнал порта назначения. Даже дети знают, что эта рубрика должна оставаться незаполненной до достижения цели. Но в нашем судовом журнале эта графа пуста. Но может кто-то перед выходом из порта завёл на борт одновременно женщину и священника? Или по пути на судно встретил чёрного кота, или не рассчитался в порту с женщиной? Все ломали себе головы в выявлении виновника.

Свистящий Питон вдруг что-то узрел! Прекратил свистеть и ринулся в направлении кадетской штурманской рубки, на которой в

тени стакселя сидел наш судовой доктор и что-то писал.

– Что пишете?! – поинтересовался Питон с подозрением.

– Письмо, – спокойно ответил врач.

– Аааааа! – взвыл Питон.

Наконец-то виновник нашёлся. Тот, кто на паруснике писал письмо во время рейса, был хуже чёрного кота, неоплаченного долга, женщины и священника вместе взятых. Ничего худшего быть не могло!

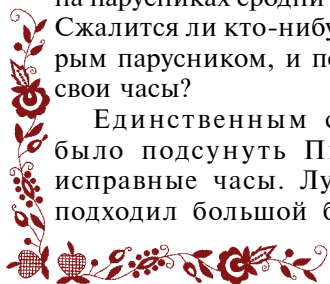
Судовые доктора! На нашем паруснике это были создания самые удивительные в мире. В эпоху комфортабельных пароходов врачи, которые решались путешествовать на шестидесятилетнем паруснике, лишённом холодильника, на котором вынужденная диета не соответствовала никаким требованиям гигиены и медицины, должны были отличаться от всех других.

Нашему первому судовому доктору было под семьдесят. Жизнь уже была прожита, поэтому пребывание на нашем паруснике он считал дополнительным приложением к жизни. Нам так и не удалось узнать его специализации. Метод его лечения сводился к одному лишь типу таблеток.

– Вот это – то самое! – говорил он кадету с зубной болью. – Вот у меня есть ещё таблетка, полученная от славного профессора. Вот я даю тебе её половинку. Боль пройдёт моментально.

И выдавал половину этой бесценной таблетки, которую кадет за дверьми амбулатории тут выбрасывал за борт. Очередной пациент, жалующийся на боли в желудке, получал вторую половину этой же таблетки, и употреблял её таким же самым образом, что и первый. Оба, кроме таблетки, получили также и освобождение от работ.

Следующий врач был гинекологом. Мы все дружно сошлись на том, что наверняка он решил передохнуть радикально, поскольку то, что он лечить умел, на судне напрочь отсутствовало.

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Доктор «Львова» сидит справа в тёмном

Его метод лечения кадетов опирался на глубокую веру в наш романтизм, молодость и время.

Врач⁵, который попался на глаза Питону, был психиатром из известной на всю Польшу клиники в Творках. На нашем паруснике чувствовал он себя великолепно, как среди своих пациентов. Несмотря на это, оставался он для нас несколько странноватым.

В этом рейсе знойные дни не были редкостью, и для охлаждения мы обливались водой, черпаемой из-за борта брезентовым ведёрком на тресе. Один за другим подходили мы к борту, поднимали полное ведро и обливались солёной водой. Доктор пытался нас копировать. До того самого момента, пока вода не лилась из ведра, он всё делал, как и мы. Затем он поднимал ведро высоко над головой и лил воду... за спину так, что ни капельки никогда не попадало на тело. Затем он критически осматривался, проводил ладонью, и говорил сам себе:

— Странная вода. Я совершенно сух!

«Ааааа» Питона перешло в вопли радости от того, что раскрыта наконец причина изнуряющего нас восточного ветра. Питон, отважившийся под свист царапать мачту, тут же заорал:

— Холера! Застрелю! Тут же застрелю! — и резво бросился в сторону кормы.

На корме, в офицерских помещениях, как на каждом порядочном паруснике, готовом к подавлению бунта команды, в пирамиде стояли винтовки. Питон выхватил одну из них и понёсся на палубу.

Мы сами с радостью протащили бы доктора под килем — такое наказание в былые времена охотно на парусниках применялось. Он безусловно этого заслуживал за все те страдания, которым подвергал нас Питон. Все мы были на это согласны. Но что же учинит с ним Питон?

Мы тут же решили спрятать доктора, если он поклянётся до конца рейса не писать писем в море. Когда доктор узнал, в чём заключается его вина, и что его за это ждёт — всё понял. Он с готовностью поклялся, что никогда

ничего подобного не совершит и ни на каком паруснике не напишет ни одного письма до прибытия в порт назначения, только бы мы его спасли!

Едва успели мы завалить доктора койками в твиндеке, как на шкафут ворвался Питон с винчестером в руках. Эта винтовка некогда была самой модной на парусниках. Как только оказалось, что доктор сбежал «из-под мушки», поднялся жуткий крик. Питон орал, что лишился возможности немедленно наказать виновника и принести морю в жертву его тело.

— Сбежал от меня! — вопил Питон. — Но я его разыщу и застрелю.

Эти последние слова прозвучали весьма забавно, поскольку винчестеры лишь украшали вход в кают-компанию, и не было к ним ни одного патрона. Самые смелые из нас объявили Питону, что доктору разъяснено, что ждёт его заслуженная смерть, и только при условии, что никогда больше он писем писать не будет, мы согласились его спрятать. Из желания настроить капитана на мягкий лад, рассказали мы ему, как доктор обливается водой. Питон пришёл в восторг, но совершенно неожиданно на нас заорал:

— Холера! Как что смешное на судне происходит, то никогда мне не покажете!

И уже спокойнее добавил:

— Ну, я так и думал про этого идиота! Если он пишет письма в море, то и облиться водой не в состоянии. Ха! Ха! Ха!

Мы тут же обрели уверенность, что раз уж причина выявлена, ветер точно должен перемениться. Вечером огонь маяка на острове Альборан мы уже не наблюдали. Ветер ослаб и перешёл на *west*.

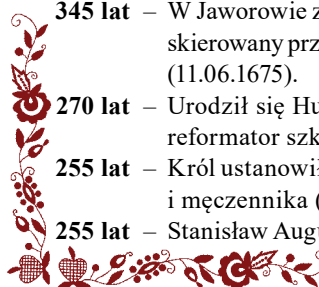
На следующий день Питона можно было к ране прикладывать, и весь день он заботился о нас, как о ненапоенных голубях.

Продолжение следует

⁵ Мечислав Венгловский (1894-1985) был последним судовым доктором «Львова» (переводч.).

- 995 lat** – Śmierć króla Polski Bolesława I Chrobrego. Pochowano go w katedrze poznańskiej (17.06.1025).
- 815 lat** – Bitwa pod Zawichostem nad Wisłą, w której Polacy rozbili wojsko księcia halicko-włodzimierskiego Romana (19.06.1205).
- 730 lat** – Nagła śmierć księcia Henryka IV Probusa w Krakowie (23.06.1290).
- 725 lat** – Koronacja Przemysła II na króla Polski w Gnieźnie. Przemysł II ustanowił orła białego w koronie godłem Polski (26.06.1295).
- 710 lat** – Urodził się Kazimierz, zwany Wielkim, ostatni król polski z dynastii Piastów (30.04.1310).
- 695 lat** – Władysław Łokietek sprzymierzył się z książętami pomorskimi przeciw Brandenburgii (18.06.1325).
- 670 lat** – Porozumienie polsko-węgierskie w sprawie Rusi Halicko-Włodzimierskiej, na mocy którego król węgierski zrzekł się praw do tej ziemi na rzecz króla polskiego (4.04.1350).
- 610 lat** – Zygmunt I Luksemburski, król niemiecki i węgierski, wypowiedział wojnę Polsce (21.06.1410).
- 595 lat** – Król Jagiełło uzyskał zgodę szlachty na dziedziczenie tronu polskiego przez syna, Władysława Jagiellończyka pod warunkiem potwierdzenia wszystkich przywilejów (25.04.1425).
- 580 lat** – Po tragicznej śmierci Zygmunta Kiejstutowicza bojarzy litewscy powołali na tron wielkksiążęcy Kazimierza Jagiellończyka, brata króla Władysława III, co spowodowało zerwanie unii Polski z Litwą (29.06.1440).
- 540 lat** – Zmarł w Krakowie Jan Długosz, wybitny historyk polskiego średniowiecza (19.05.1480).
- 515 lat** – W Radomiu zakończył obrady sejm, na którym szlachta uchwaliła konstytucję Nihil novi (Nic nowego), która stała się podstawą prawną funkcjonowania sejmu, oraz tzw. Statut Łaskiego (31.05.1505).
- 495 lat** – Hołd pruski – Albrecht Hohenzollern złożył na Rynku w Krakowie hołd Zygmunтови I Staremu (10.04.1525).
- 445 lat** – Na zjeździe szlachty w Stężycy ogłoszono bezkrólewie (12.05.–8.06.1575).
- 425 lat** – W Łobzowie urodził się syn Władysława III Wazy, Władysław (9.06.1595).
- 415 lat** – Zmarł Jan Zamoyski, kanclerz i hetman wielki koronny (3.06.1605).
- 380 lat** – Urodził się Zygmunt Kazimierz, syn Władysława IV i Renaty Cecylii (1.04.1640).
- 360 lat** – Pokój w Oliwie. Jan II Kazimierz zrzekł się pretensji do tronu szwedzkiego, a Rzeczpospolita godziła się z utratą Inflant (3.05.1660).
- 360 lat** – Stefan Czarniecki wraz z Pawłem Sapiehą odnieśli pod Połonką znakomite zwycięstwo nad armią rosyjską Iwana Chowańskiego (25.06.1660).
- 345 lat** – W Jaworowie zawarto tajny układ polsko-francuski skierowany przeciwko elektorowi brandenburskiemu (11.06.1675).
- 270 lat** – Urodził się Hugo Kołłątaj, pisarz, polityk, filozof, reformator szkół (01.04.1750).
- 255 lat** – Król ustanowił Order Świętego Stanisława biskupa i męczennika (7.05.1765).
- 255 lat** – Stanisław August Poniatowski założył w Warszawie Szkołę Rycerską (06.1765).
- 205 lat** – Na kongresie wiedeńskim powstała decyzja o utworzeniu Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Poznańskiego i Rzeczypospolitej Krakowskiej (3.05.1815).
- 200 lat** – Wielki książę Konstanty Romanow poślubił Polkę Joannę Grudzińską, nadając jej tytuł księżnej łowickiej (20.05.1820).
- 145 lat** – W Poznaniu otwarto Teatr Polski, zbudowany ze składek społecznych (21.06.1875).
- 120 lat** – Urodził się Aleksander Wat, poeta, prozaik, autor sztuk scenicznych (1.05.1900).
- 120 lat** – Urodził się Leon Kruczkowski, prozaik, publicysta, autor sztuk scenicznych (28.06.1900).
- 115 lat** – Urodziła się Hanna Januszevska, poetka, prozaik, autorka utworów dla dzieci (20.04.1905).
- 110 lat** – Urodził się Jan Dobraczyński, prozaik, eseista (20.04.1910).
- 110 lat** – Zmarła Eliza Orzeszkowa, prozaik (18.05.1910).
- 105 lat** – Urodził się Tadeusz Kantor, reżyser teatralny, twórca teatru „Cricot 2” (16.04.1915).
- 105 lat** – Legion Puławski stoczył pierwszą swoją bitwę z wojskiem niemieckim pod Pakosławiem w powiecie Koneckim (20.05.1915).
- 100 lat** – Urodziła się Anna Kamińska, poetka, autorka utworów dla dzieci i młodzieży (12.04.1920).
- 100 lat** – Urodził się Karol Wojtyła (†10.04.2005), Papież Jan Paweł II (18.05.1920).
- 90 lat** – Zmarł Władysław Orkan, prozaik, dramaturg, poeta (4.05.1930).
- 85 lat** – Prezydent Ignacy Mościcki podpisał nową konstytucję zwaną powszechnie kwietniową (23.04.1935).
- 85 lat** – Urodziła się Halina Poświatowska, poetka (9.05.1935).
- 85 lat** – W Belwederze zmarł Józef Piłsudski, Marszałek Polski (12.05.1935).
- 80 lat** – Polski okręt podwodny ORP „Orzeł” zatopił niemiecki statek „Rio de Janeiro” (8.04.1940).
- 80 lat** – Wobec klęski Francji rząd polski przeniósł się do Londynu (14.06.1940).
- 80 lat** – Zmarł Janusz Kusociński, sportowiec, zdobywca złotego medalu w biegu na 10 000 m na Igrzyskach Olimpijskich 1932 roku (21.06.1940).
- 75 lat** – Naczelnym dowódcą ludowego WP Michał Żymierski mianowany marszałkiem Polski (3.05.1945).
- 75 lat** – I Dywizja Pancerna generała Stanisława Maczka zajęła Wilhelmshaven (6.05.1945).
- 70 lat** – Zmarł Ksawery Pruszyński, prozaik, publicysta, tłumacz (13.06.1950).
- 65 lat** – Zmarł Tadeusz Sygietyński, twórca zespołu „Mazowsze” (19.05.1955).
- 55 lat** – Zmarła Maria Dąbrowska, wybitna pisarka, eseistka, autorka utworów dla dzieci (19.05.1965).
- 55 lat** – Zmarł Tymon Niesiołowski, malarz i grafik (12.06.1965).
- 50 lat** – Zmarł Władysław Anders, generał, polityk emigracyjny, dowódca Armii Polskiej na Wschodzie, później II Korpusu Polskiego (12.05.1970).
- 50 lat** – Zmarł Tadeusz Breza, prozaik, eseista, krytyk teatralny (19.05.1970).
- 40 lat** – Zmarł Władysław Tatarkiewicz, filozof (4.04.1980).
- 30 lat** – W Polsce zniesiono cenzurę (12.04.1990).
- 25 lat** – W Warszawie uruchomiono pierwszy odcinek metra (7.04.1995).

Od słowa do czynienia, jak od liścia do korzenia

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается

Kto chce być ślepy, wszystko prześlepi

Кто не желает видеть – хуже слепого

Mówi jak ślepy o kolorach

Разбирается как свинья в апельсинах

I święta cierpliwość może się wyczerpać

Всякому терпению приходит конец

Cierpliwość wszystko zwycięża

Терпение и труд всё перетрут

Bardziej boli od języka, jak od miecza

Слово пуще стрелы разит

Dobre słowo znajdzie dobre miejsce

Доброе слово всегда к месту

Skąpy zawsze w nędzy, choć dosyć pieniędzy

Скупой богач беднее нищего

Skąpy nigdy nie ma dosyć

Скупому всегда мало

Bliższa koszula ciału, niż suknia

Своя рубашка ближе к телу

Spodziewał się dziad obiadu

Не надейся, дед, на чужой обед

Chwała z własnych ust śmierdzi

Скромность украшает человека

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**
№ 2 (65) 2020 r.

PISMO POLAKÓW W ROSJI (Wydawane od 2002 roku)
Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.
Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077
Przedstawicielstwo w Warszawie – Jan KARBOWNICKI: tel. +48 513 326 655
Szata graficzna i skład komputerowy – Irena DANIŁOWA
Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: Post Office Box 30, Krasnodar-Center, 350000, Rosja

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**
№ 2 (65) 2020 г.

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ (Издаётся с 2002 года)
Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.
Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077
Представительство в Варшаве – Ян КАРБОВНИЦКИЙ: тел. +48 513 326 655
Оформление и компьютерная вёрстка – Ирина ДАНИЛОВА
Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: Абонентский ящик 30, Краснодар-Центр, 350000, Россия

